„Sozialistitscheski Westnik“
„Der sozialistische Bote“
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, 4. Hof, V.

Preis M. 1500.–
in Deutschland
(Doppelnummer)

Zentralorgan der Soz-Dem. Arbeiterpartei Russlands

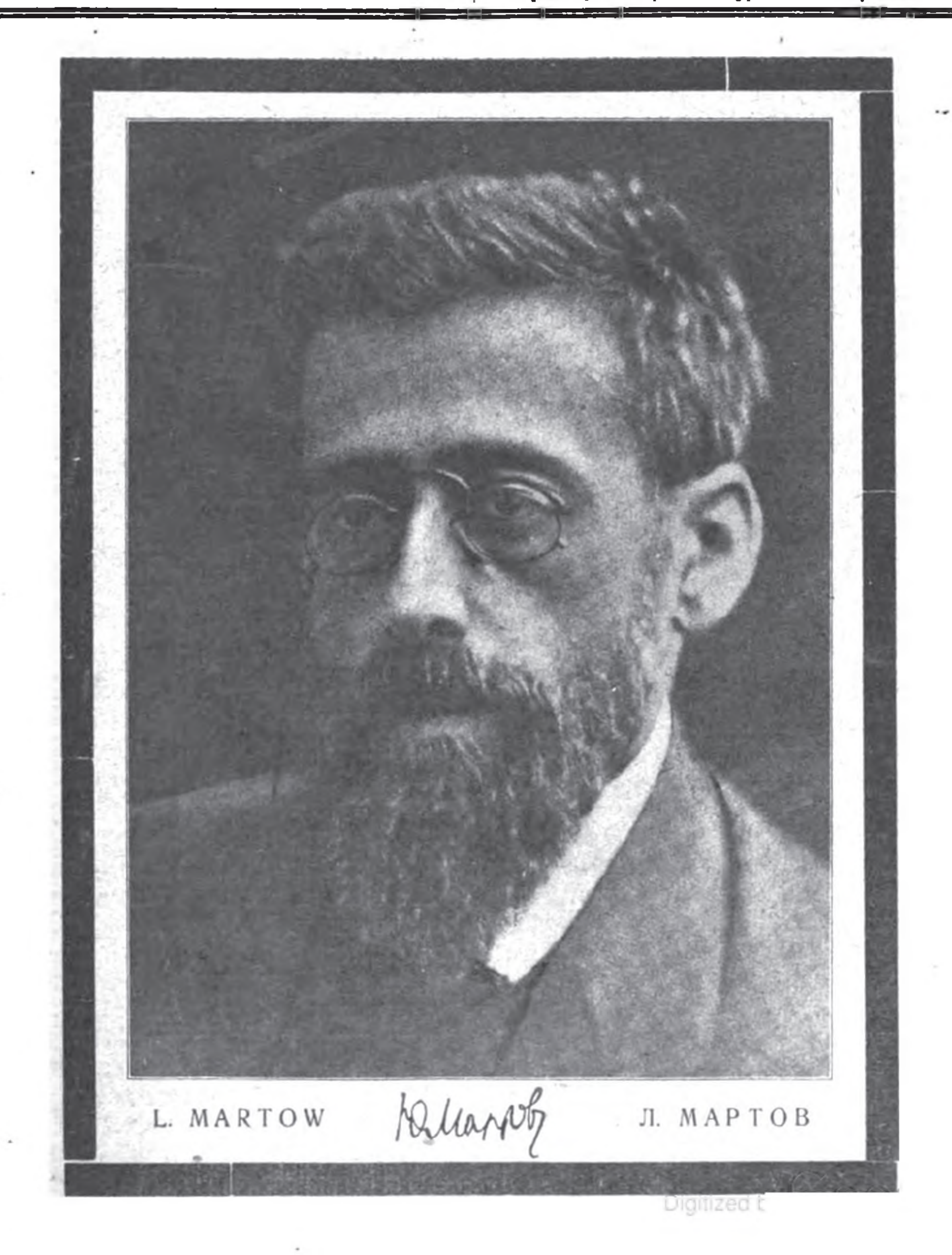
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц

№ 8-9 (54-55)	Контора и редакция: Berlin SW 68, Lindenstrasse 3, IV. Hof, V. Тел. Dönhoff 66-96	**24-ое апреля 1923 г.**	Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час.	3-ий г. изд

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Мартова. Статьи Ф. Дана, К. Каутского, О. Бауэра, А. Криспина, Р. Гильфердинга, Ф. Адлера, А. Брака, Р. Абрамовича, И. Юдина, Александра. — Скорбные дни. — Отклики на кончину Мартова. — Увековечение памяти Мартова.
Передовая: „Единство и сплоченность“.
Д. Кровавая спайка.
По России: Надзор за „бывшими“. — Из чекистской литературы и пр.
Рабочая жизнь: Из современных настроений рабочей среды — Брянск. — Сормово и пр.
За-границей: Перед Гамбургским конгрессом. — **Из партии.**

Л. Мартов

Мартов принадлежал к тому поколению русских марксистов, которые в середине 90-х годов прошлого века своими руками закладывали фундамент социал-демократической рабочей партии, организовывали зарождавшееся политическое движение русского пролетариата.

В этом поколении было много богато одаренных, по своему выдающихся людей. Достаточно напомнить, что одним из ближайших соратников Мартова был в этот период В. И. Ульянов-Ленин. Но и среди блестящей плеяды молодых революционеров того времени Мартов выделялся своею исключительною талантливостью, сверкающим литературным дарованием, тонкостью и остротою мысли, широкою политическою образованностью и беззаветною, чуждою всякого эгоцентризма преданностью делу освобождения рабочего класса. Публицист, пропагандист, агитатор и организатор рождающейся партии, он, как никто, был проникнут глубочайшим сознанием, что социал-демократия является законной наследницей великих революционных и социалистических заветов предшествующих героических поколений, что низвержение самодержавия является ее ближайшею политическою задачею. Как никто, он усвоил марксистский метод мышления, марксистский подход ко всем явлениям общественной жизни с мерилом классовой борьбы в руках и марксистское убеждение, что действительное освобождение рабочего класса может быть делом лишь самого рабочего класса, осознающего свои исторические задачи и организующегося в самостоятельную и самодеятельную силу для их осуществления. И, как никто, он с самого начала своей деятельности привык ставить и решать вопросы рабочего движения в их международной связи. Эти три черты политического миросозерцания Мартова красною нитью проходят через всю его 30-летнюю деятельность и определяют его позицию на всех этапах революционного процесса, пережитого Россиею за эти десятилетия.

В немногих строках журнальной статьи трудно обозреть гигантскую работу, проделанную Мартовым за эти годы, и учесть все, что он внес своего в развитие рабочего движения и социал-демократии, а вместе с тем и всей общественно-политической жизни России. Формирование рабочей социал-демократической партии от ее первых кружковых зародышей до могучего разветвленного организма; сочетание экономической борьбы только еще выходящих на историческую сцену рабочих масс с их инициативною ролью в процессе политического раскрепощения страны; борьба с традиционными народническими, бакунистскими и якобинскими иллюзиями и предрассудками революционной интеллигенции; воспитание в обстановке самодержавной азиатчины целого кадра передовых рабочих-социалистов; выработка социал-демократической программы и тактики; кипучая публицистическая и организационная работа «Искры»; определение взаимоотношения рабочего движения и движения других классов русского общества; социал-демократическое руководство грандиознейшим политическим, забастовочным и демонстрационным движением, нанесшим первый неизлечимый удар Романовской деспотии; создание широких рабочих организаций, увенчанное построением первого Совета Рабочих Депутатов в 1905 году; создание и революционно-социалистическая ориентация русского профессионального движения; создание рабочей печати и легальных форм организации рабочего класса; выработка основ избирательной тактики русской социал-демократии и основ ее думской деятельности; руководство работой думских с.-д. фракций; борьба с военно-шовинистическим угаром и международное об'единение всех анти-милитаристских элементов, — во всей этой работе, закладывавшей незыблемые устои классового рабочего движения в России и подготовлявшей великую революцию 1917 года, Мартову принадлежала роль вдохновителя, застрельщика и руководителя. Если прибавить к этому все, что сделано Мартовым в области международного рабочего движения и о чем так красноречиво говорят статьи иностранных товарищей, помещаемые в этом же номере, то и перечисленного достаточно, чтобы обеспечить Мартову бессмертие в памяти пролетариев России и всего мира и почетное место в Пантеоне великих вождей рабочего класса.

И, однако, то была лишь часть работы, выполненной Мартовым на службе рабочему классу, и притом часть, для него лично наиболее легкая. Непосредственная работа над просвещением и организацией рабочих масс; руководство все разраставшимся революционным движением; борьба с классовыми врагами пролетариата, — для него, прирожденного борца, революционера по духу, социалиста до самых глубоких изгибов души, то было наслаждением; то было стихией, в которой он дышал легко и привольно. Но историческая обстановка, в которой протекала деятельность Мартова, возложила на него и другую, более тяжелую и неблагодарную, но столь же необходимую задачу — борьбы за выпрямление линии самой социал-демократии, борьбы внутри партии, внутри рабочего движения.

Всякая социал-демократическая рабочая партия переживает эту внутреннюю борьбу различных течений, вытекающую из диалектики положения партии, с одной стороны, пытающейся строить линию пролетарской классовой политики на основе научного познания тенденций общественного развития и учета борющихся общественных сил, а с другой — старающейся стать партией самих рабочих масс, лишь медленно, зигзагами выходящих на путь такой политики, отправляясь от нужд и настроений сегодняшнего дня и учась больше всего на своих собственных поражениях. Противоречие между рациональностью продуманной тактики сознательного авангарда и иррациональною импульсивностью стихийных движений политически мало-опытных масс — вот что, в конечном счете, лежит в основе различных течений внутри социал-демократии. А, раз возникнув, эти течения самой логикой взаимной борьбы толкаются в сторону такого обособления и исключительности, при которых легко исчезает самое чувство общности классовых целей, и части единого класса противоставляются друг другу, как враги, в братоубийственной схватке истощающие свои силы.

В развитии русской социал-демократии все эти диалектические противоречия должны были сказаться с особою силою: вооруженной всем опытом классовой борьбы передовых стран, ей пришлось действовать в обстановке, социально и духовно насыщенной до-капиталистическим варварством; ей пришлось ставить перед собою одновременно две задачи, нередко взаимно сталкивавшиеся, — сделать пролетариат авангардом капиталистического общества, борющегося за свое освобождение от оков крепостничества, и в то же время превратить самый процесс этой борьбы в орудие классового самоопределения пролетариата, его подготовки к осво-

бождению от цепей капиталистической эксплуатации; и, наконец, ей пришлось иметь дело с пролетариатом, лишь медленно выкристаллизовывавшимся в особый класс из крестьянски-мещанского социального раствора, носившим на своем духовном облике печать своего недавнего социального рождения и лишенным в условиях самодержавного режима какой бы то ни было подготовительной политической школы. Борьба течений в русской социалдемократии, разумеется, тоже рождала фракционную исключительность и злопыхательство, но сама она не была выдумкой фракционеров, а, наоборот, была необходимым историческим делом, продиктованным всей обстановкой, в которой приходилось действовать русской социал-демократии, и расчищавшим путь подлинно классовому движению русского пролетариата. После печального опыта большевизма, начавшего с споров о § 1 устава и закончившего террористической диктатурой, вряд-ли могут быть сомнения на этот счет.

Колоссальная заслуга Мартова заключается, прежде всего, в том, что он необычайно тонко и рано улавливал те отклонения партийной мысли и практики, которые идут в разрез с основной задачей социал-демократии — организацией рабочего класса в самостоятельную и самодеятельную силу, и со всею страстью своего темперамента и силой своего таланта выступал против этих отклонений.

Почти в самом начале его политической работы ему пришлось выдержать жестокую борьбу с так называемым «экономизмом» во всех его видах — с попыткой отклонить от рабочего класса или отодвинуть в более или менее далекое будущее задачу низвержения самодержавия, завещанную социал-демократии предыдущими поколениями. Приходилось ему бороться и с различными течениями внутри его собственной, меньшевистской партии. Так было в эпоху столыпинской реакции, когда в так называемом «ликвидаторстве» он увидел, наряду с ценной и пролагавшей новые пути работой по «использованию легальных возможностей», опасное перегибание палки, способное привести к распылению партийного аппарата и ослабить подготовленность пролетариата к разрешению задач грядущего революционного кризиса. Так было на всем протяжении войны, когда он резко выступил против оборончества и социал-патриотизма «Нашей Зари» и примыкавших к ней кругов меньшевизма. Так было, наконец, в до-октябрьскую эпоху революции 1917 года, когда он со всею страстью напал на коалиционную политику партийного большинства, в которой видел, прежде всего, опасность затягивания войны, опасность углубления раскола в рабочем Интернационале, опасность укрепления милитаристских, контр-революционных сил.

Но, разумеется, борьба с теми или иными течениями в меньшевистских рядах, это — лишь эпизоды в политической биографии Мартова. За то неразрывно связана вся его политическая деятельность с 20-летнею неустанною борьбою с тем направлением социалистической мысли, которое получило название «большевизма». Для Мартова-марксиста было органически неприемлемо то, что составляет духовную сущность большевизма, — его представление о взаимоотношениях «героя» и «толпы», подмена самостоятельного и самодеятельного движения рабочих масс их слепым повиновением «вождям», под какими бы псевдонимами эти «вожди» ни выступали, будто бы воплощающим в себе весь классовый разум. С безошибочным чутьем угадал он в стремлении установить личную диктатуру кружка «спевшихся революционеров» в партии зародыш того развития, которое неизбежно вело к умерщвлению самостоятельной организации и социалистического воспитания рабочих масс и превращению их в орудие чуждых им социальных сил, а, в конце концов, в обще-государственном масштабе вылилось после захвата власти в установление личной диктатуры над страной и самим рабочим классом, со всеми неизбежными спутниками такой диктатуры — подавлением политической свободы, кровавым террором, разрушительною хозяйственною деятельностью...

Весь этот строй идей, покрываемых именем большевизма, не имел более непримиримаго врага, чем Мартов. Большевики упорно старались залучить этот крупный талант к себе, пытались сделать его соучастником своей партийной диктатуры 20 лет тому назад и соучастником своей политической диктатуры в эпоху октябрьского переворота. Они систематически распускали даже смешные легенды о том, что лишь какие-то сторонние влияния удерживают Мартова от перехода в их лагерь, и, только убедившись в полной безнадежности своих стараний, утешились тем, что об'явили Мартова представителем... «мелкой буржуазии». Они не поняли и не могли понять, что, именно стоя обеими ногами на почве классовой борьбы пролетариата, Мартов органически не мог принять ни их теории, ни их практики.

И Мартов боролся с большевизмом со всем присущим ему пылом и страстью, со всем блеском своего таланта. И если уже в эпоху, когда эта борьба протекала в узких рамках партийной организационной жизни, Мартов вел ее с неослабевающею энергиею, то поистине титаническую напряженность вложил он в нее, когда большевизм воплотился в кровавой террористической диктатуре. С какою горячею страстью, с каким жгучим негодованием, с какою убийственною иронией бичевал он преступления этого режима! Вряд-ли кто-либо нанес всей большевистской идеологии столько смертельно ранящих ударов, как Мартов, и вряд-ли кто нибудь сделал столько, чтобы предотвратить самую возможность ее возрождения в рабочем классе России и всего мира!

Но заслуга Мартова не исчерпывается тем, что он с исключительною энергиею и талантом вел внутри рабочего движения непримиримую борьбу со всем кругом идей, идущих в разрез с длительными интересами рабочего класса. Еще неизмеримо большая заслуга его состоит в том, что на всех этапах этой борьбы, в разгар самых ожесточенных схваток, и даже тогда, когда на карту ставилась его собственная голова и головы его друзей и единомышленников, он никогда не забывал и учил свою партию не забывать тех высших интересов — интересов рабочего класса, в которых эта борьба только и находит свое оправдание. В этом смысле он никогда не был «фракционером» и своих товарищей по партии удерживал от слепой фракционности, которая так легко приводит к сектантству, только с обратным знаком, чем сектантство большевизма.

В эпоху борьбы внутрипартийной это выражалось в стремлении Мартова до последних пределов возможного сохранять партийное единство или, по крайней мере, тесную связь между разорванными частями социал-демократии. В эпоху, когда борьба с большевизмом, ставшим у власти, перенеслась на политическую арену, критерием ее методов стало для Мартова требование, чтобы она не только не наносила ущерба интересам революции и рабочего класса, но, наоборот, служила ограждению этих интересов. Беспощадно бичуя большевистскую систему управления, Мартов делал это так, чтобы вытравить все следы большевистской идеологии в сознании рабочих масс, еще идущих за большевизмом или

еще верящих ему, и восстановить единство рабочего класса под знаменем социал-демократии, ибо в этом он видел основное условие демократического преодоления большевизма. И со всею решительностью отвергал он те формы борьбы с большевизмом, которые ведут к обострению междуусобной брани между разорванными частями единого рабочего класса или неизбежно выливаются в попытку насильственно вернуть обманутую и заблуждающуюся часть его «на путь истины» руками чуждых и враждебных ему социальных сил, — потому что в таких формах ликвидации большевистской диктатуры видел лишь неизбежный пролог к замене ее диктатурой бонапартистской.

И вот это то сочетание непримиримой борьбы с большевистской идеологией и практикой с бережным охранением интересов рабочего класса и революции составляет характерную черту той тактики, творцом которой был Мартов в этот бесконечно сложный и тяжелый период деятельности русской социал-демократии. Оно делало его настоящим пролетарским «рыцарем без страха и упрека» и придавало особый вес и убедительность его обличительному голосу не только среди русских рабочих, но и в международном пролетариате: его знаменитая речь в Галле отметила настоящий поворотный пункт в развитии европейского рабочего движения.

Война с ее разрушительным экономическим, социальным и культурным влиянием дала в ходе русской революции победу партии большевиков. И целые толпы поклонников успеха из числа вчерашних ожесточенных противников большевизма ныне воскуривают ему фимиам и готовы, как выразился один из них в статье, посвященной смерти Мартова, превозносить до неба «почти гениальное упростительство» Ленина, позволяющее в каждый данный момент выхватывать «самое главное», «действовать» и достигать головокружительных успехов.

Да, Мартову такое «упростительство» было совершенно чуждо, и в его «сложной» позиции отразилась вся сложность исторического положения русского рабочего класса. Но это — потому, что для него, как для социалиста, «самым главным» было не достижение временных «успехов» какою бы то ни было ценою, а организация великого освободительного движения пролетариата. Но именно поэтому в то время, как «успех» уже наполовину убил большевизм, превращая его шаг за шагом из партии пролетариата в партию нэп'а, идеи Мартова и после его смерти сохраняют всю свою жизненную силу. Мартов, конечно, в своей жизни не раз ошибался, как ошибается самый гениальный политический деятель. Но в то время, как «торжество» большевизма есть последняя страница его истории, в то время, как большевизм уже весь в прошлом, Мартов еще целиком принадлежит будущему. На его произведениях еще целые поколения рабочих будут учиться мыслить и чувствовать по социалистически. Его заветы пронесет через все испытания наша партия и их подхватят широкие рабочие массы, пробивающиеся сквозь все иллюзии и поражения на путь классовой борьбы. Его победой будет победа пролетариата над миром эксплоатации и насилия.

С этой верой в свое конечное торжество, в торжество социал-демократии умирал в изгнании великий вождь нашей преследуемой, разбитой, загнанной в подполье партии будущего.

Ф. Дан.

Последний привет

Дорогие товарищи!

С глубокой скорбью внял я горестной вести о кончине нашего дорогого Мартова. Мы лишились его в то время, когда его творческие силы еще не развернулись до конца. Он ушел от нас не так, как наши старые учителя: он не успел дать нам всего, что был в состоянии дать. Велики его заслуги, как теоретика, тактика, вождя. Но мы ждали от него еще большего, ибо его направлению суждено об'единить и вовлечь в пролетарский интернационал рабочие массы России, которые сегодня, либо в качестве беспартийных стоят в стороне, либо находятся во враждебном стане. Что говорить мне русским социалдемократам о значении Мартова для России, для социализма! Но и за пределами России социалисты узнали и оценили его.

Они ценят в Мартове вождя того направления, которое уже двадцать лет тому назад вступило в борьбу с большевистским бонапартизмом, в период, когда он стремился установить свою террористическую диктатуру — правда не в государственном, но в партийном масштабе. Они ценят Мартова за проявленную им в первой русской революции смелость и проницательность, и за его поведение во время мировой войны и второй русской революции. Мартов оказал решающее влияние на позицию, занятую Циммервальдской конференцией, и он остался верен этому направлению, в противоположность большевикам с их революционными иллюзиями и реакционным оппортунизмом.

Правда, судьба не баловала его успехами. Он больше потерпел поражений, чем одержал побед, подобно его великому учителю Марксу, с которым он разделил трагическую участь человека, вносящего в дело, которому он себя посвящает, залог конечного торжества, дожить до которого ему не суждено. Ибо, как и Маркс, он не принадлежал к числу «реальных политиков», жертвующих принципами и великими целями ради минутных успехов, и тем самым, из-за мгновенного эффекта, ставящих на карту прочный успех того дела, которое они отстаивают. Но он также не был и фанатиком догмы, который не черпает своих принципов из жизни, не прислушивается к ней, а перенимает без всякой переработки чужие формулы, как готовый шаблон, и упорно цепляется за них, как бы они ни противоречили действительности.

Если Мартов не добился тех практических успехов, которых мы бы желали, то причиной этому явилось несоответствие его концепций, которым в будущем суждено восторжествовать, и психологической потребности трудящихся масс России в чудодейственном мессии.

Особое положение России вытекает из того, что она созрела для буржуазной революции в период, когда в Зап. Европе пролетариат оказался единственным революционным классом, и единственным выразителем революционного движения было социалистическое движение. Благодаря этому русские революционеры восприняли социалистическую идеологию, и в их представлении русская революция должна была быть социалистической. Тем самым они стали в противоречие с Марксом, который считал, что социалистический переворот может иметь место прежде всего в высокоразвитых капиталистических государствах, и в такую отсталую страну, как Россия, социализм может, в лучшем случае, быть перенесен с передового запада, а не наоборот.

Но для социалистического энтузиазма русских революционеров такая концепция была слишком принижающей. Большинство их боролось с ней всеми силами. Одни старались опровергнуть Маркса тем, что не промышленный пролетариат, а крестьянство, по крайней мере в России, является тем элементом, которому предназначено осуществить социализм. Но параллельно с ростом рабочего движения в России возрастало влияние Маркса. Становилось все труднее опровергнуть его. Тогда те революционеры, которые «прияли» Маркса, но считали его выводы для себя неудобными, стали его толковать в таком направлении, которое больше отдает Нечаевым, чем Марксом.

Основоположники русского марксизма, Плеханов и Аксельрод, не принимали участия в этой работе по извращению марксова учения. Мартов сделался вождем молодого поколения, боровшегося за подлинный марксизм. Всю силу своего ума, всю свою энергию он направил на то, чтобы удержать пролетарское движение в России в рамках истинного марксизма. И все данные указывают на то, что ему в значительной степени удалось привлечь на свою сторону лучшую часть русского пролетариата, ее мыслящие и политически сознательные элементы. Но в революции, всколыхнувшей невежественные массы, пролетариат оказался на время захлестнутым аморфной толпой возвращающихся на родину солдат. Тогда восторжествовало льстящее национальному самолюбию учение, что русский пролетариат призван принести избавление гнилому западу. Для наивных масс, чувствовавших себя в тот момент политически всесильными, это учение было чрезвычайно привлекательным, ибо оно обещало им с полной уверенностью немедленное освобождение от всех страданий. Ленин — русский мессия, Россия — европейский мессия; а трезвая, несмотря на ее революционность, концепция Мартова, конечно, не могла устоять против таких головокружительных перспектив.

Ныне мессианизм уже отошел в область преданий. Только при помощи кровавого террора удается русским мессиям удержать свою власть. Но надолго-ли?

Большевики сами принуждены вновь возрождать в России капитализм, но этим самым они вновь толкают неорганизованный, обессиленный и деморализованный в результате их авантюры пролетариат на новую, самостоятельную борьбу за освобождение; но эта борьба будет основана на принципе, что освобождение рабочих — дело их рук, а не дело самого себя избравшего в вожди «авангарда» или назначенных им чиновников-«специалистов».

Это новое рабочее движение будет проникнуто тем духом, который заложен в него Мартовым и который Мартов, как никто другой, был призван довести до победы, и тем самым возродить Россию.

Ибо Россия, без сомнения, особенная страна. К числу ее особенностей относится и то обстоятельство, что в ней пролетариат играет гораздо более крупную роль, чем это соответствует степени экономического развития России. При отсутствии дворянства, которое уничтожено навсегда, при отсутствии класса промышленных капиталистов, которые еще продолжительное время будут рекрутироваться преимущественно из иностранцев, при крестьянстве, абсолютно неспособном к управлению страной, — в России теперь есть только два элемента, которые способны взять власть: интеллигенция и организованный промышленный пролетариат. Союзу этих двух групп предстоит управлять Россией без террора, на почве демократии. Это возможно, ибо в государствах, в которых сельское хозяйство производит не только для внутреннего потребления, но и для экспорта, как в России и Америке, нет того глубокого антагонизма между городом и деревней, который характеризует промышленные страны, вынужденные ввозить продовольствие.

Мы можем вновь ожидать в России установления пролетарского режима, как заключительной стадии второй русской революции, в каких бы конвульсиях ни кончился большевизм.

Новое пролетарское движение будет тем устойчивее и плодотворнее, чем больше оно будет проникнуто духом марксизма, который учит, что социалистическая организация производства возможна лишь при наличности определенных предпосылок, и что пролетарское правительство может осуществлять социализацию лишь в тех пределах, в каких это допускает экономическое положение страны и демократия.

Не только для борьбы с большевизмом, но и для возрождения России мы будем нуждаться в глубоком марксистском познании, столь блестящие образцы которого дал нам Мартов.

Мартов был призван руководить этой большой работой по созданию новой России, при помощи победоносной социал-демократии. Теперь работа должна продолжаться без ее лучшего мастера. Мартов подготовил победу. Ему не было суждено видеть ее собственными глазами. Но русская социалдемократия тем скорее добьется победы и тем полнее ее использует, чем больше она будет проникнута духом Мартова, чем живее в ней будет влияние почившего.

Не только оплакивать покойного должны мы, но и чествовать его, как действительного победителя в предстоящей решающей битве, в борьбе русского пролетариата за освобождение. Не только со скорбью, но и с гордостью я вспоминаю моего друга Мартова, и крепко жму руку моим русским товарищам в знак искреннего сочувствия.

Карл Каутский.

Шарлоттенбург, 5-го апреля 1923 г.

Л. Мартов*)

Международное социалистическое движение потеряло одного из самых значительных своих вождей, одну из самых трагических своих фигур.

Юлий Осипович Мартов, не достигнув пятидесятилетнего возраста, умер в Шварцвальде, в санатории, где он искал исцеления от застарелой болезни туберкулеза. Оборвалась жизнь, неразрывно связанная с великой историей великой русской революции. Вся трагедия революции отражается в том факте, что этот человек, бывший одним из созидателей новой революционной России, окончил свои годы изгнанником вдали от родины.

В революционном студенческом движении, вспыхнувшем в 90-ых годах прошлого столетия в Петербургском университете, выступают вперед рука об руку два молодых революционера — Ленин и Мартов. Когда бурные студенческие демонстрации захватили впервые

*) От ред. Считаем необходимым исправить две фактические неточности в превосходной статье т. Бауэра, нисколько не умаляющие однако ее ценности: 1) Мартов впервые встретился на работе с Лениным и пошел в ссылку на почве не студенческого, а рабочего движения — в середине 90-х годов; 2) Мартову не было сделано большевиками формального предложения о занятии поста комиссара по иностранным делам непосредственно после октябрьского переворота, хотя в иностранной печати (напр. Times) появились даже телеграммы о будто бы состоявшемся назначении Мартова. На самом деле большевики лишь в частных разговорах выражали надежду, что Мартов займет этот пост в их правительстве.

в 1898 году широкие рабочие массы, царские жандармы схватили обоих молодых вождей. Ленин и Мартов были вместе сосланы в Сибирь, вместе уехали в 1900 г. заграницу, где опять-таки вместе основали «Искру». Это был решающий момент в истории развития русской революции. Русская промышленность была еще молода, русский пролетариат еще совершенно незрел. Никто из русских социалистов не осмеливался в 90-х годах говорить рабочим о политических задачах. Организация экономической борьбы рабочих и руководство ею — в этом заключалась вся работа горсточки студентов и интеллигентов, вращавшихся в рабочих кругах. И только «Искра» поставила впервые перед революционной интеллигенцией задачу воспитать рабочий класс для политической борьбы, повести его на революционный штурм твердынь царизма. Из организаций, созданных для распространения «Искры», возникла российская социал-демократия: «профессиональные революционеры», которые тайком провозили в Россию «Искру» и занимались там ее распространением, явились ячейками, из которых развилась социал-демократия.

Зерна, брошенные Мартовым и Лениным, упали на благодарную почву. Русский пролетариат начинает просыпаться; он группируется вокруг социал-демократической интеллигенции и вступает в революционную борьбу. Партия социал-демократической интеллигенции должна была преобразоваться в партию революционного пролетариата. В этот момент разошлись пути Мартова и Ленина, до того дружно работавших. В начале их разделил только организационный вопрос. Мартов хотел включить в партийные организации, состоявшие исключительно из «профессиональных революционеров», также и социалистически-сознательных рабочих, чтобы таким путем превратить партию марксистской интеллигенции в подлинную рабочую партию. Ленин, напротив, настаивал на диктатуре тайной, строго централизованной партийной организации, состоявшей из «профессиональных революционеров» и интеллигентов-марксистов. Эта организация должна была руководить революционно настроенной рабочей массой, не прошедшей еще марксистской школы. Внешне это был спор об организационных формах. В действительности, в нем таилось великое историческое противоречие. Мартов хотел пролетарской демократии, пролетарской массовой организации по европейскому образцу, где рабочий класс сам демократически выбирает свой путь. Ленин же стремился к созданию специфически русских заговорщических организаций, к «просвещенному абсолютизму» «профессиональных революционеров». Последние руководят пролетариатом, не давая ему самому права решать что-либо, они используют революционные вспышки несознательных масс в целях, непонятных этим массам, они, наконец, осуществляют свою диктатуру над пролетариатом в его интересах. Этот спор разделил российскую социал-демократию на меньшевиков, во главе которых стоял Мартов, и большевиков, вождем которых был Ленин.

С этого момента личная жизнь Мартова неразделльно связана с историей меньшевизма. Благодаря революции 1905 г. он мог вернуться в Россию. Поражение революции вновь изгоняет его. Он вступает в тесные сношения с социалистами Западной и Центральной Европы. Исключительные знания Мартова, его блестящий литературный талант, его непревзойденное искусство марксистского анализа сложнейших исторических ситуаций, — все это выдвинуло его в первые ряды учеников Маркса и Энгельса. Война застала Мартова в Париже. В противоположность Плеханову, который решительно стал на сторону Антанты, он требовал в равной мере резкой революционной борьбы против обоих империалистских лагерей. Вместе с Мергеймом, вождем французских металлистов, с итальянскими и швейцарскими товарищами, он завязывает нити, которые приводят революционные элементы социалистических партий к Циммервальду.

Весть о великой русской революции застает Мартова в Швейцарии. В «запломбированном вагоне» едет он через Германию в Россию. Но именно в час победы революции, которую он в значительной мере духовно подготовил, начинается трагедия Мартова. В России он вступает в конфликт с политикой своей собственной партии, связанной с коалицией Керенского. К тому времени, когда левое крыло меньшевиков, «интернационалисты», получило наконец руководящее влияние в партии, было уже слишком поздно: в октябре 1917 г. русская демократия была низвергнута предводительствуемой большевиками солдатчиной. Мартов ни на один миг не поверил в опасные иллюзии и утопии большевизма тех дней. Оставаясь внутри советов, он мужественно боролся с большевистским террором. Но столь же решительно призывал он на поддержку большевиков всякий раз, когда им угрожала царистская контр-революция. Так исполнял он историческую задачу социал-демократии, борясь бесстрашно против большевизма и проявляя одновременно революционную солидарность с ним, поскольку этого требовала борьба с контр-революцией. Большевики ненавидели и боялись этого человека, который страстно боролся против их диктатуры над пролетариатом и против замены советской демократии абсолютизмом советской бюрократии, который требовал для рабочего класса свободы коалиции, собраний, печати, стачек, который предсказывал неминуемый крах «военного коммунизма» еще за два года до того, как Ленин решился повести «новую экономическую политику». Но даже в худшие времена террора большевики не осмеливались тронуть мужественного революционера. Когда же Мартов, болезнь которого в голодные годы гражданской войны чрезвычайно обострилась, в 1920 г. уехал на некоторое время заграницу, большевики были счастливы, что освободились от опаснейшего из своих социал-демократических противников, и Мартов не мог уже вернуться в Россию.

Тяжело больной, он в изгнании продолжал свою работу, основав в Берлине «Социалистический Вестник», который нелегально провозится в большевистскую Россию, как некогда, во времена царизма, туда контрабандным путем доставлялась «Искра». Заботой Мартова, на ряду с борьбой за свободное классовое движение русского пролетариата, была борьба за восстановление пролетарского Интернационала. Мы видели его в Вене при основании Международного Союза Социалистических Партий. И, как 20 лет назад он был сотрудником «**Arbeiter Zeitung**», так и теперь последняя его статья на немецком языке была посвящена вопросу об Интернационале и напечатана в «**Kampf**».

Теперь он мертв. Он вошел в число великих покойников, которые до войны были глашатаями международного социализма: Бебеля и Виктора Адлера, Жореса и Кейр-Гарди, Плеханова и Розы Люксембург. Скончался человек, но идея его — жива. На пространстве великой сарматской равнины, где крестьянство, лишь несколько десятилетий назад освобожденное от пут крепостничества, борется за новые формы своей жизни, возможен, быть может, лишь социализм, который надеется освободить пролетариат, подчинив его диктатуре «профессиональных революционеров». Но будущее и там, как во всем мире, принадлежит тому социализму, представителем которого был Мартов, социализму демократи-

ческого самоопределения рабочего класса. Ибо, освобождение пролетариата не может быть предписано декретом деспотов, вводящих социализм. Оно может явиться лишь, как результат духовной зрелости самого рабочего класса, который не терпит над собой никакого владыки. Эта великая идея, наполнявшая всю жизнь Мартова, умереть не может. Ибо «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса».

Отто Бауэр.

Памяти Мартова

Летом 1920 г. большевики были в зените своей славы и своего обаяния. Во всем мире никто не знал истинного положения дел в России, ее экономического и политического состояния. После-военный кризис, революции в Восточной и Средней Европе всколыхнули массы мирового пролетариата и наполнили их воодушевлением. И их взоры, точно завороженные, тянулись к ослепительному зрелищу «пролетарского государства», к Москве, этому центру мировой революции.

В Москве происходил тогда II конгрес Коминтерна, на который были делегированы и мы с т. Диттманом в составе представительства Герм. Незав. Партии.

Какое пестрое зрелище, сколько чужих, никому неизвестных лиц, в толпе которых тонут немногочисленные старые социалисты! «Я никогда еще не чувствовал себя столь чужим на интернац. конгрессе» — заявил мне Серрати. Это ощущение отчужденности в полной мере испытывали и мы.

Делегаты Коминтерна находились на особом попечении большевистских властей — и под их особым надзором.

Нас поместили в заново отремонтированной прекрасной гостинице, кормили с щедростью, чудовищно контрастировавшей с той ужасающей нуждой, которая царила тогда в Москве и во всей советской России. У людей, которые знали истинное положение дел, кусок становился поперек горла. Но много ли было среди делегатов Коминтерна таких людей? Барышня, — большевичка, обслуживавшая канцелярию конгресса, сказала нам как-то со смехом, что вряд-ли найдется 5 % таких, которые вообще интересуются действительным состоянием России. Остальные удовлетворялись праздничными представлениями, помпезными митингами, феерическими парадами крас. армии.

Мы с Диттманом принадлежали к числу тех, которые решили заглянуть за кулисы большевистского спектакля. И, не взирая на полицейские препятствия, вступили в сношения с меньшевиками, с Мартовым и его друзьями, от которых надеялись получить достоверную и исчерпывающую информацию. Мы не ошиблись.

Когда мы впервые явились в помещение меньшевистского Ц. К., нас прежде всего поразил тот гигантский контраст, который царил в чисто внешней обстановке между штаб-квартирой «легальной оппозиции» и резиденцией правящей партии.

Пустые и убогие комнаты с простыми деревянными столами и колченогими стульями. Жидкий «чай» из какой-то травы и тощие «бутерброды» из какого-то нес'едобного хлеба, — в качестве единственного «угощения», которым сконфуженно, но с чисто-русским радушием, делились с нами Мартов и его друзья, исхудалые от явного недоедания, в обтрепанных до нельзя сюртуках и тужурках.

Но как хорошо, как по-товарищески мы почувствовали себя в среде этих людей! Перед нами были не искатели счастья», не революционные авантюристы, а глубоко-искренние, старые, жертвенно-настроенные социалисты, служители и вожди рабочего класса. Тут мы не были чужими, мы были «дома».

И, когда начались серьезные разговоры, когда мы услышали речи Мартова и других, мы сразу почуяли, что мы не ошиблись, придя сюда за «ключем к познанию» русской революции.

Ни звука жалобы на личные невзгоды, ни следа мелких обвинений и злорадных уколов. Куда девались «злобные клеветники», «анти-большевистские фанатики» и «контр-революционеры», — о которых так старательно предупреждали нас большевики и немецкие коммунисты?

Мы услышали глубокий, но в то же время ясный до прозрачности анализ классовых и общественных отношений в России, ее экономического состояния, политической структуры. Острым скальпелем истинно-марксистского исследования Мартов и его друзья безжалостно совлекли с большевизма всю его блестящую мишуру и вскрыли перед нами его истинное содержание: гибельность политики «военного коммунизма», которая тогда была в своем высшем расцвете, утопичность и призрачность т. наз. «диктатуры пролетариата» и «советской системы», которые на самом деле были лишь плохо-замаскированной тиранией партии или партийного кружка и т. д. и т. д.

И тогда мы во всей ясности поняли то, о чем раньше смутно догадывались. И увидели перед собой лик другой «революционной России», образ марксистской рабочей партии, руководимой Мартовым — партии, которая сумела, оставаясь на революционно-пролетарской почве, найти истинно-социалистическую линию борьбы против мелко-буржуазного, утопически-якобинского искажения революции, воплощенного в большевистской партии.

* * *

С'езд Герм. Независ. Партии в октябре 1920 г. в Галле имел исключительное значение.

На нем впервые в Зап. Европе разыгралась борьба между марксистским социализмом и большевистским коммунизмом за душу рабочего класса Европы. В этом бою Мартов сыграл решающую роль.

И для нас, иностранцев, борьба внутри русского пролетариата неизгладимо символизировалась в тот момент контрастом между изможденной, но насквозь одухотворенной фигурой Мартова, и наглой самодовольно-грубой физиономией Зиновьева, с манерами персидского сатрапа и душей «взбесившегося мещанина», как незабываемо охарактеризовал его Мартов.

Представитель жестоко преследуемой партии, лицемерно признаваемой легальной, но не имеющей никаких возможностей открытого проявления, — Мартов тем не менее со всей энергией выступает против интервенции капиталистических держав в России и жестоко бичует непрошенных «защитников русской демократии» из среды русских «белогвардейцев» и иностранных империалистов, — не опасаясь поднятой против него буржуазной печатью травли с обвинением в «полу-» или «скрытом большевизме». Но с той же энергией, тем же острым мечем своего огненного слова он безжалостно разил и безумную политику большевиков, их экономический утопизм, их террор, ведущий страну и революцию к катастрофе, не боясь обвинений в «контр-революционности», не страшась мести со стороны раз'яренных большевиков.

Меня охватывает стыд за свою родину, — горько заявил Мартов, — когда — после 20-летней героической борьбы русского пролетариата — немецкие товарищи

спрашивают меня, смогу ли я вернуться в Россию, раз я осмелился критиковать свое, большевистское правительство. Но мне еще более стыдно от того, что я на этот вопрос вынужден ответить признанием, что мне и моим товарищам не миновать мести большевиков.

Это сопоставление, как молнией, осветило перед нами сущность большевистского режима. В глазах социалистического пролетариата Германии и всей Европы дело большевиков было проиграно.

* * *

Мартов приехал в Европу не только для информирования зап.-евр. пролетариата об истинном положении русской революции. Он должен был принять участие и в воссоздании соц. Интернационала, разрушенного войной в 1914 г.

Задача эта была очень трудная и сложная. Для частей пролетариата, плененных национализмом и связавшихся в течение войны с буржуазным государством, проблема Интернационала в ее первоначальной форме перестала существовать.

Части рабочего класса, приставшие к коммунизму и с чисто-религиозным фанатизмом слепо верившие в чудотворную силу Москвы, — стремились не к созданию Интернационала, а к централизации в руках московских «титанов» всей пучистской деятельности в Европе.

Для рабочего класса, сохранившего ясность исторического понимания и верность революционному марксизму, необходимо было создание своего особого руководящего центра, который явился бы с течением времени средоточием всех сил для построения действительного, всеоб'емлющего Интернационала. Так родилась «Вена», в создании и оформлении которой Мартов сыграл выдающуюся роль. . . .

А когда ход событий в З. Европе и России создал новую политическую ситуацию и поставил партии марксистского центра перед новыми задачами, никто не сформулировал новую тактику Вены с такой ясностью, четкостью и талантом, как Мартов в своей статье в янв. номере «Kampf'a»*).

Он предостерегал пролетариат от новых иллюзий относительно «чудес», ожидаемых многими от об'единения Интернационалов, указал на необходимость для марксистских партий в данной исторической обстановке перейти к тактике «внутреннего» воздействия на отставшие в революционном развитии широкие массы европейского пролетариата, но очертил и те минимальные условия, вне которых существование Интернационала немыслимо: Интернационал должен быть в ы с ш е й и н с т а н ц и е й для всех примкнувших к нему рабочих партий во всех конфликтах между государствами и нациями. Интернационал должен действовать не только в мирное время, но и во время в о й н ы.

Эти требования Мартова, формулирующие сущность пролетарского интернационализма, касаются теперь в проекте устава будущего единого Интернационала, принятом на заседании в Брегенце. Социалисты Европы восприняли частицу Мартовского духа.

* * *

Мартов умер в изгнании. Его изгнали не чиновники самодержавного царя, его изгнал большевистский деспотизм, не сумевший использовать для блага русского пролетариата силы и способности этого великого человека. Но горе тому строю, который отталкивает от себя таких людей, как Мартов!

Артур Криспин.

*) См. «Соц. Вест.» от 21 ноября 1922 г. — Ред.

Мартов и Интернационал

Другу и борцу!

Рано умер Мартов, в полном расцвете необычайных духовных сил, до последней минуты одушевляемый одним желанием — отдать их на служение русскому и международному интернациональному пролетариату. Как во всю свою мученическую жизнь он никогда не думал о себе, а лишь о великом идеале, к которому он стремился, так и в последние дни, на смертном одре, его мысли были заняты не смертью, стоявшей у изголовья его, а жизнью социализма, будущностью пролетариата. Слишком рано, задолго до завершения дела его жизни, пришла смерть и трагически оборвала тяжкую судьбу этого благородного человека.

Да, трагическим было положение Мартова, когда, после долгих лет разлуки, мы опять встретились с ним в 1920 г.: он был изгнан из родной России, но не царем уже, а Лениным, — человеком, с которым вместе он основал российскую социал-демократическую партию, и Троцким, с которым вместе в Париже во все годы войны вел смелую борьбу против империализма среднеевропейских держав и стран Антанты. На бледном лице его, казалось, оставили неизгладимые следы разочарования, голод и болезнь; в этом изможденном теле, казалось, воплотились безмерные страдания русского пролетариата.

Жутко было при встрече со старым другом, с пугливой осторожностью пытались мы уловить, какое влияние оказало на него то чудовищное, что ему пришлось пережить. Не было ли основания опасаться встретить разочарованного и озлобленного, обескураженного и отчаявшегося борца, ищущего теперь лишь покоя и отдыха?

Но нет. Ум Мартова был свеж и гибок, как всегда, бодрость — не сломлена, вера в победу несокрушима. Ни разу не пошатнулась его вера в социализм, ни на минуту не ослабел его интерес к рабочему движению, и если его личная деятельность в России была сейчас прервана, то ведь он принадлежал Интернационалу, и в каждой социалистической партии он находил вторую родину, новое поле деятельности.

Мартов принадлежал к лучшим представителям поколения, которое примкнуло к социализму в 90-х годах. Это было время, когда отменено было исключительное положение в Австрии, когда пал закон о социалистах в Германии, когда в Париже был возстановлен Интернационал, когда первый майский праздник глубоко всколыхнул рабочие массы средней и восточной Европы.

Новый сильный импульс был дан социалистическому движению и охватил не только рабочие массы, но и интеллигентскую среду. В социализме, осуществление которого казалось вступившему в движение молодому поколению не столь уже отдаленным, сочеталась идея нового общества, в котором трудящийся народ, освобожденный от всяких классовых пут, будет в свободном самоопределении располагать своим трудом, с идеей политической свободы и равенства, идеей завоевания демократической республики.

Как социалист и демократ, вступил Мартов в движение, вскоре попал в тюрьму и затем был сослан в Сибирь, неоднократно был вынужден эмигрировать. В годы пребывания заграницей он сделался одним из лучших знатоков западно-европейского рабочего движения. Вооруженный глубоким знанием марксизма, дополненным

собственными исследованиями, острый наблюдатель и тонкий аналитик, он более, чем кто-либо иной, содействовал выдвиганию и разрешению великих проблем социалистического движения. Его статьи в журналах «Neue Zeit», «Kampf» и «Socialiste» отличаются редким богатством мыслей, а его статьи в большой социалистической повседневной прессе, не смотря на злободневный характер их, сохраняют постоянную ценность.

Точность знания, основательность анализа, ясность политического понимания выдвинули бы Мартова в ряды наиболее значительных фигур в Интернационале даже в том случае, если бы его положение в русском социалистическом движении и не было столь выдающимся.

Но с тонким умом, за изгибами которого следовать всегда составляло величайшее интеллектуальное наслаждение, сочеталась в Мартове та чистота и твердость характера, без которых не бывает ни человеческой, ни политической крупной величины. Бескорыстен и самоотвержен был Мартов, и его безмерная, абсолютная преданность делу свободы и социализма была его второй натурой. Человек, жадно впитывавший в себя все драгоценное из всех сокровищниц культуры, лично не имел потребностей, был прост до аскетизма. Человек, стоявший выше столь многих, был скромен и беспретенциозен, преисполнен глубокой, внутренней жизнерадостности, не оставлявшей его и во времена тягчайших разочарований, был полон веры в конечную победу тех идеалов, которым он отдал свою жизнь.

Таков был этот человек и таким он должен был быть, чтобы во имя социализма и свободы сыграть ту роль, какую он сыграл на с'езде в Галле. В наше время, с его бурным ходом событий, нет досуга для исторических изысканий. Но в Галле была выиграна великая битва между большевизмом и европейским социализмом, там именно большевизм понес решительное поражение в европейском рабочем движении. И на наиболее важном посту стоял Мартов, бледный и больной, и надорванным голосом говорил он о политике большевизма. И этот надорванный, еле слышный голос заглушил пафос Зиновьева, заглушил фанфары коммунистического интернационала, всю трескучую пропаганду русского правительства. В этом голосе дрожало возмущение против террора, погубившего свободу, в нем звучали предсмертные крики невинных жертв, плакала жалоба заключенных, слышны были стоны голодающих. Это был не оклеветанный «контр-революционер», за которого выдавали его большевики европейским рабочим. Это был социал-демократ, который взывал к революционной солидарности борющегося пролетариата о поддержке изгнавшего его и преследовавшего его русского правительства в его борьбе против внешних нападений, против западно-европейского империализма. Но он был в то же время великий пламенный социалист, который обвиняя большевиков в предательстве социализма, права самоопределения и автономии организованного пролетариата, в попрании гуманности. Пламя свободы трепетало в его словах. Разверзлась моральная бездна — и навеки преградила путь в Европу русскому большевизму.

Он боролся смертельно больной, но неутомимый. К русскому рабочему он обращался со страниц основанного им журнала; на международной арене он содействовал новому собиранию сил и сплочению. И точно так же, как он обрушивался на большевистский утопизм и терроризм, он с не меньшим ожесточением боролся против уродования великих идеалов социализма только-реформизмом и оппортунизмом. В самые трудные времена смуты и заблуждений, одинаково непоколебимый в верности марксистским методам, как и в твердости характера, Мартов сохранил верность марксизму.

Умер Мартов, безнадежно болен Ленин. Но идея нашего великого покойного победила и живет. Не напрасно жил он; нет, богата и плодотворна была эта слишком короткая жизнь, и если нас потрясает глубокий трагизм ее, то нас в то же время возвышает гордое сознание, что Мартов принадлежал и принадлежит нам.

Рудольф Гильфердинг.

Несколько воспоминаний

В конце 1916 г. стояли мы в цюрихском крематории у гроба Густава Экштейна, и Мартов, говоривший от имени Российской Социал-демократии, закончил свою сильную речь следующими словами: «Мы, знакомые с деятельностью Экштейна, знаем, что он, как лишь немногие социал-демократы нашего поколения, выделялся своими способностями, познаниями и революционной стойкостью — всем, чего требовал исторический момент. Тем глубже наша скорбь, вызванная этой смертью. Пусть наше участие в горе немецких и австрийских единомышленников Густава Экштейна вселит во всех нас уверенность, что — несмотря ни на что — об'единенными усилиями всех, стоящих выше этой кровавой мировой бойни, удастся снова восстановить рабочий Интернационал — тот Интернационал, которому Экштейн посвятил целиком всю свою жизнь».

Эти слова, — последние слова, которые я во время войны лично слышал от Мартова, — приходят мне сегодня на память, так как они всецело относятся также и к нашему другу, которого безжалостная судьба вырвала теперь из наших рядов. Мы знаем, что Мартов, «как лишь немногие социал-демократы нашего поколения, выделялся своими способностями, познаниями и революционной стойкостью — всем, чего требовал исторический момент»; мы знаем, что он «всю свою жизнь целиком посвятил рабочему Интернационалу». И в действительности, эта беззаветная преданность делу пролетариата, которая поражает нас у столь многих борцов русского социализма, была у Мартова так велика, как лишь у немногих, лишь у наилучших. И эта преданность соединялась у него с громадными интеллектуальными дарованиями, с проницательностью и уменьем быстро ориентироваться в самых сложных политических ситуациях, и это постоянно вызывало в нас безграничное удивление. Я сам однажды на личном опыте испытал эту политическую чуткость Мартова, которую я знал и по многим другим примерам. Я сидел в тюрьме, отрезанный от всего мира, и только более чем через полгода мог публично на суде об'яснить действительные причины и мотивы моего покушения. За это время мои враги и друзья распространяли самые бессмысленные догадки на этот счет. Мартов был первым, и долгое время единственным человеком, который, непосредственно после покушения, в напечатанной в Швейцарии статье: «Что означают венские выстрелы?» сумел дать полный ясности анализ положения Австрии и мотивы моего покушения.

Четыре года спустя, 6-го декабря 1920 г., мы снова с ним встретились на международной предварительной конференции в Берне, и здесь тотчас-же обнаружилось полное совпадение наших взглядов на вопрос о возможностях восстановления Интернационала. С присущей ему силой критики, Мартов предостерегал от всех иллюзий относительно возможностей интернационального

развития в ближайшие годы, но с такой же решительностью он требовал ясного, недвусмысленного установления принципов революционного социализма, за которые он неустанно боролся до последней минуты жизни.

Два месяца спустя Мартов принимал участие на международной социалистической конференции в Вене, где мы основали Международное Об'единение Социалистических Партий. Мартов был избран в Исполнительный Комитет в качестве представителя Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Уже тогда, в Вене, нас сильно тревожила его тяжелая болезнь горла, причинявшая ему столько страданий, когда он говорил, не мешавшая ему однако, не смотря на всю боль, высказывать все, что он считал необходимым. И когда наш Исп. Комитет получил в декабре 1922 г. уведомление, что Мартов временно слагает свой мандат в виду поездки для лечения в Шварцвальд, более близкие друзья уже знали, что потеряна почти всякая надежда на сохранение этой драгоценной жизни для социалистического движения. Но до последнего вздоха он со всею интенсивностью мысли и воли принимал участие в определении тактики венского об'единения. И когда мы подготовляли недавно в Брегенце международный социалистический конгресс, мы вполне сознавали, что основные линии тактики, проводимые большинством партий венского об'единения, обязаны своим происхождением Мартову. В своей последней статье о «Проблеме Интернационала» он писал:

«Мы думаем, что в основу об'единения обоих Интернационалов, Венский союз должен поставить два принципиальные положения, от которых он не может отступить: во-первых, Интернационал продолжает действовать во время войны; во-вторых, в международных конфликтах Интернационал является решающей инстанцией».

Оба эти тезиса Мартова включены в проект устава нового Интернационала. Для Мартова было совершенно ясно, что «слияние обоих Интернационалов нисколько не приближает нас к тому Интернационалу действия, который после краха 1914 г. стал лозунгом возрождения международной социал-демократии». Для него было ясно, что «и внешние рамки об'единенного Интернационала, условия приема в него, по необходимости должны быть весьма широкими, во всяком случае не меннее широкими, чем были до 1914 г.». Но хотя это слияние далеко не означает осуществления наших идеалов, Мартов, как всегда, ясно сознавал, что дело именно идет о том, чтобы дальше бороться за них: «Внутри этого широкого расплывчатого об'единения марксистам придется вести свою работу по революционизированию сознания и подготовке условий для создания действенного Интернационала».

И вот теперь мы стоим перед его гробом и с невыразимой болью сознаем, что мы лишены уже его глубоко продуманных советов и его горячего сотрудничества в предстоящий период наших битв, который он с такой ясностью обрисовал. Он — один из тех, кто с наибольшим правом может претендовать на звание ученика Карла Маркса — не может более принимать участия в выполнении нашей великой задачи — революционизирования социалистического сознания.

Ф. Адлер.

Памяти друга

Не только русский социализм, но и весь Интернационал теряет в Ю. О. Мартове один из своих самых светлых умов, одну из своих самых благородных личностей, одного из своих самых преданных вождей.

В рядах французской социалистической партии известие о его смерти вызвало мучительную боль и оставило во многих из нас глубокое сознание утраты преданного друга.

Мы были к этому подготовлены его неизлечимым недугом, который вот уже много лет как наложил на него свой отпечаток, разрушил его голос. И все же в его больном теле было такое могучее тяготение к жизни, его разум оставался столь сильным, его мысль — столь светлой, что мы надеялись вновь и вновь встречать его на наших различных собраниях.

Не мне говорить, кем был для революционной России человек, определивший на знаменитом с'езде 1903 г. те принципы, которые легли в основу меньшевистской фракции и которые потом получили свое ужасающее подтверждение в большевистском опыте.

Не внося в свои воспоминания чувства личной к нему привязанности, я хочу напомнить о тех тесных узах, которые соединяли Мартова с социалистической Францией.

Он хорошо знал французское движение, в котором со свойственной ему глубокой эрудицией и проницательностью он различал отдельные течения, их психологические причины и экономический базис. Когда 16 лет тому назад, после революции 1905 г., Мартов приехал в Париж, он стал сотрудничать в журнале «Социализм», который мы с Жюль Гедом основали. Он часто приходил в помещение, где собирались сотрудники этого органа, беседовал с нами, и на фактах, которые он всегда излагал в свойственной ему яркой форме, подкреплял и развивал свои основные идеи, совпадавшие и с нашими взглядами на методы борьбы и организации рабочего класса. Он перевел на русский язык много речей, произнесенных Жюль Гедом во французской палате.

С дружеским уважением преклоняемся мы пред его памятью. Он послужит для нас примером и останется нашим вдохновителем.

А. Брак.

Мартов и проблемы русского большевизма

Большевистская революция в России на долгий ряд годов определила собою не только судьбы самой России, но и развитие всего рабочего движения в Европе. Ослепительный мираж пролетарской партии, превратившей 1/6 часть земного шара в социалистическое государство, в течение почти 3-х лет очаровывал пролетариат всего мира и держал все наиболее идеалистическое и революционное в рабочем классе в сфере притяжения русского коммунизма. Разочарование в последнем является могучим фактором, усиливающим в европейском пролетариате то состояние реакции, — пассивности и оппортунизма, — которое охватило широкие массы в последние 2 года.

Правильное понимание русского коммунизма, корней его начальных успехов и последующих поражений является одним из необходимых условий для оздоровления рабочего движения в Европе; верный анализ большевистского движения, правильный пролетарско-

марксистский подход к борьбе с ним являются и самой главной предпосылкой для возрождения русского рабочего социализма, вопросом жизни и смерти для него.

В России в октябре 1917 г. впервые в истории современного человечества у власти стала революционная партия с пролетарско-социалистической идеологией. И в большевистской России впервые марксистская социал-демократическая партия оказалась в роли «оппозиции справа» по отношению к крайнему революционному правительству, ведущему за собой большие массы промышленного пролетариата под лозунгами утопического социализма. На долю российской социал-демократии выпала, поэтому, почетная, но богатая терниями задача — стать пионером марксизма в новых, невиданных еще условиях, разработать тактику, которая могла бы послужить примером для всех других рабочих партий, которые окажутся в аналогичных условиях.

Положение русской социал-демократии, стиснутой между утопической волной внутри страны и слепым преклонением перед б-ками зап.-европ. пролетариата, еще осложнялось полной отрезанностью от Европы, абсолютной невозможностью информировать и информироваться.

В этих нечеловеческих условиях русская социал-демократия смогла выполнить свою историческую задачу лишь благодаря тому, что счастливая субьда подарила ей Ю. О. Мартова.

Своим глубоким и острым аналитическим умом он вскрыл истинное содержание происходящих в России событий, их движущие социальные силы и причины; своей тонкой политической интуицией, своим гибким тактическим талантом наметил правильный путь для социалистического пролетариата среди многочисленных мелей и подводных камней.

Начиная со своих блестящих статей в петербургской «Искре» в октябре-ноябре 1917 г., продолжая статьями в московском «Вперед» и харьковской «Мысли» («Мировой большевизм»), кончая работами в «С. В.», из которых многие теперь являются поистине пророческими, Ю. О., как никто иной, с несравненной силой и глубиной выявил перед русским рабочим классом характер большевистской революции и заложенные в большевизме тенденции развития.

Решительно отвергая как большевистскую схему социалистической революции, так и упрощенную и оторванную от обще-европейского развития характеристику нашей революции, как чисто-«буржуазной», Ю. О. впервые набросал картину своеобразного сочетания ее основной, мелкобуржуазной, якобинской, анти-феодальной тенденции со «стихийным порывом» к своему социальному освобождению многочисленного и задающего тон городского пролетариата, в международной обстановке обостряющегося кризиса капитализма.

И, опираясь на этой анализ, в бесчисленных написанных им резолюциях и тезисах сформулировал он для нашей партии свою позицию «двуединой тактики» по отношению к большевизму, ставшую впоследствии достоянием и всего международного социализма. Тактика поддержки в выполнении тех задач, которые об'ективно являются задачами всей революции в целом;тактики беспощадной критики и борьбы с всеми элементами утопизма и якобинско-буржуазного вырождения революции.

Это понимание и эта тактика уберегли нашу партию как от опасности превратиться в придаток к большевистской партии, подобно левым с.-р. или «интернационалистам» типа Лозовского, так и от не меньшей опасности «коалиционных» авантюр на базисе капиталистического апологетизма, в духе Майских и Ст. Ивановичей.

Благодаря Ю. Ос., наша партия пронесла чистым и незапятнанным свое марксистское знамя через самые тяжелые испытания. Благодаря Ю. О., заложена прочная основа для построения в будущем марксистской рабочей партии. Не кружков, вырастающих из озлобленной реакции против большевистского варварства и построенных на связанном с такими настроениями отказе от самостоятельной политики в пользу буржуазного реформизма, а массовой, революционно-классовой партии пролетариата.

В этом — незабываемая, бессмертная заслуга Ю. О перед рабочим классом России. Но в этом его огромная заслуга и перед пролетариатом всего мира, которому в своем дальнейшем развитии придется немало учиться на «русском опыте».

Наши европейские товарищи, как это ярко проявляется и в статьях, напечатанных в этом №, в полной мере оценили все значение Ю. О. в данной области.

«Из уважения к революционным заслугам Мартова в прошлом рабочий класс постарается простить ему его борьбу против большевиков», писал орган австрийских коммунистов, снисходительно обещая нашему покойному вождю «частичную амнистию».

Нет, мужественная и самоотверженная борьба Ю. О. против большевистского извращения социализма, его неустрашимая деятельность по разоблачению коммунистических иллюзий является не менее славной страницей в революционном послужном списке Ю. О., чем его борьба с царизмом или борьба с националистским искажением социализма во время войны.

Не только русский, но и весь мировой социализм будет гордиться именем Мартова, который спас честь и знамя пролетариата в самых тяжких условиях, в самый роковой час, на самом передовом форпосте. И рабочий класс его никогда не забудет.

Р. Абрамович.

Л. Мартов и еврейский пролетариат

Весть о кончине Юлия Осиповича Мартова глубокой, невыразимой болью отзовется в душе каждого еврейского рабочего, оставшегося верным социалдемократическому знамени.

Наряду с именами Плеханова и Аксельрода имя Мартова пользовалось среди еврейского пролетариата наибольшей популярностью. Но это была не обычного рода популярность, в ней всегда чувствовалась трогательная любовь, как к своему, близкому, родному. Образ Юлия Осиповича окружен в его глазах какой-то святостью: еврейский рабочий всегда видел в нем редкое по красоте и гармонии сочетание — глубокого теоретика партии, ее необычайно талантливого политического вождя и человека высокого морального облика, для которого нет никакой другой жизни, кроме самоотверженного служения делу освобождения рабочего класса, делу осуществления социализма, для которого во всей его жизни имеются только одни радости и горести — это радости и горести партии, ее успехи и неудачи, ее победы и поражения.

В этой трогательной любви еврейских рабочих к своему политическому вождю, к своему Бебелю есть несомненно и элемент справедливой гордости — что Юлий Осипович до известной степени является их прямым питомцем, что в среде их массового движения он прошел первую практическую и теоретическую школу

революционной классовой борьбы пролетариата, что здесь сложились те основные элементы его политического миросозерцания, которые он с такой глубиной своей теоретической мысли, с таким блеском своего публицистического пера развивал потом в своих статьях и брошюрах.

Двадцатилетним юношей — в июне 1893 г. — Юлий Осипович был выслан под надзор полиции в город Вильну, где он провел — с небольшими перерывами — более двух лет. Здесь он не только принял участие в относительно очень развитом массовом движении среди еврейских рабочих с соответствующими экономическими организациями, не только ознакомился с выработанными уже практикой определенными организационными формами, но и впервые восприял, — как он сам выражается в своих воспоминаниях, — «гениальную идею использования зыбкой почвы архаической легальности (закон Екатерины II о 12-м часовом рабочем дне) для революционных целей, — новаторство, громадного принципиального и практического значения которого не подозревали сами новаторы».

Пребывание Юлия Осиповича в Вильне как раз совпало с важнейшим и интереснейшим периодом в развитии еврейского арбочего движения — переходом от исчерпавшей уже свои задачи чисто кружковой системы пропаганды к массовой агитации на почве повседневных экономических нужд рабочего класса, агитации, которая в процессе самой экономической борьбы приведет массы к быстрому усвоению необходимости политической борьбы и пониманию ее конечных целей — борьбы за осуществление социализма и для которой пропагандистская работа должна служить лишь очень ценным подспорьем. Основные методы этой новой фазы рабочего движения формулированы были в брошюре об агитации и вскоре затем были усвоены и организациями русских городов — Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и т. д. и с громадным успехом применены к русскому массовому рабочему движению.

В выработке этих совершенно новых методов рабочего движения Юлий Осипович принимал в Вильне самое деятельное и непосредственное участие. Надо заметить, что с первых же месяцев знакомства с ним руководителей центрального кружка он произвел на всех очень сильное впечатление. Мы часто говорили между собой о нем, и что особенно поражало нас в нем — помимо его литературного таланта и революционного темперамента — это то, что он сам так скромно называет в своих воспоминаниях «стремлением теоретически округлять эмпирические факты». Мы все были больше — если не исключительно — практики и в своих обобщающих выводах подвигались скорее ощупью. «Теоретических округлителей» в настоящем смысле этого слова между нами не было.

Естественно, что Юлий Осипович вскоре становится видным членом центрального кружка, ему поручаются ответственные выступления на собраниях агитаторов, сообща с другими руководителями он вырабатывает те радикальные организационные изменения в работе, которые вытекают из новой постановки основной задачи, вместе с нами — «стариками» — выносит на своих плечах всю тяжесть болезненного переходного периода — борьбы с так наз «оппозицией», имевшей в первое время на своей стороне значительное число наших спропагандированных рабочих и вносившей полную дезорганизацию в работу. И когда, в результате коллективного обсуждения, А. Кремер формулирует письменно теоретическую и практическую обосновку новой позиции, именно Юлию Осиповичу поручается окончательное редактирование известной брошюры об агитации, — составившей эпоху в развитии российского рабочего движения.

Таким образом, Юлий Осипович, попав в новую для себя среду массового рабочего движения, не только сам обогащал и расширял свой умственный горизонт но одновременно много своего, творческого давал этому движению. Он был и учеником, и учителем в одно и то же время. И это, кажется мне, одна из характернейших черт его удивительно светлой головы: всякий воспринятый им извне эмпирический факт с такой быстротой и глубиной перерабатывался его мыслью в нечто свое, оригинальное, что в каждый данный момент крайне трудно было определить, где кончается внешнее усвоение и начинается его творчество и наоборот — где конец последнего и начало первого.

Если Юлий Осипович очень многим в выработке своих теоретических и практических взглядов обязан еврейскому рабочему движению, то и, наоборот, еврейский пролетариат, — я говорю, конечно, только о годах пребывания Юлия Осиповича в Вильне, ибо в дальнейшем его влияние и руководство шло уже через российскую социалдемократию, — не в меньшей степени обязан ему в деле своего развития и роста.

Достаточно указать хотя бы на тот факт, быть может, далеко не всем известный, что Юлий Осипович был идеологическим родоначальником бундизма. Он первый формулировал идею необходимости самостоятельной еврейской рабочей организации, воплощенную в жизнь только 2½ года спустя — 9 октября 1897 г. (день основания Бунда). Я имею в виду его первомайскую речь (1895 г.), которую он произнес в Вильне на собрании руководящих агитаторов (40 человек) и в которой он подводил итого прошлого и намечал перспективы дальнейшей работы*).

Бунда, конечно, никто не выдумал и не создал. Он возник и вырос естественно, как всякий живой организм — на определенной социально-экономической и политической почве, и корни его лежат гораздо глубже той хронологической даты, которой отмечено его формальное самоопределение. Идея бундизма в туманной, полуосознанной еще форме несомненно была уже заложена в еврейской рабочей массе и бродила в головах ее руководителей. И только глубокий теоретический ум Юлия Осиповича яснее всех ощутил ее стихийный рост и на первомайском собрании 1895 г. он явился ее акушером, с обычным блеском своего литературного таланта формулировав и обосновав ее.

«. . . Поэтому, — сказал он в первомайской речи — задача еврейских социалдемократов, работающих в еврейской среде, состоит в создании специальной еврейской рабочей организации, которая должна руководить и воспитывать еврейский пролетариат в его борьбе за свое экономическое, гражданское и политическое освобождение».

Со смертью Ю. О. Мартова еврейский пролетариат не только лишился своего идейного и политического вождя, но и потерял в нем своего любимейшего и ценнейшего сверстника, с которым он рос и провел свои юношеские годы.

И. Юдин.

*) Она называлась: «Поворотный пункт в истории евр. раб. движения» и позднее вышла отдельной брошюрой по-еврейски под названием «Новая эпоха в еврейском рабочем движении». На русском языке она напечатана была в 1906 г. в сборнике «Материалов к истории евр. раб. движения» в Петербурге, но все издание было немедленно конфисковано. Надо заметить, что впоследствии Юлий Осипович несколько изменил свои взгляды на организационные вопросы.

Л. Мартов в Вильне*)

(Несколько воспоминаний).

Я познакомился с Мартовым в 1893 г., когда он, высланный из Петербурга по политическому делу, приехал в Вильну. В Вильне Мартов (его нелегальная кличка была тогда «Алексей») жил под надзором полиции в течении двух лет.

Трудно говорить о молодом 20-летнем студенте, каким Мартов был в 1893 г., как о политическом деятеле. Он находился тогда еще в периоде оформления, он лишь тогда выкристаллизовывался. В. тот период Мартов весь ушел в идейную борьбу между тогда еще юным русским марксизмом и народничеством. Этой борьбой он тогда жил.

Роль Мартова в виленском движении того времени сводилась лишь к пропаганде. К организационной работе он имел малое отношение, главным образом, в виду его неконспиративной внешности (как известно, Мартов немного прихрамывал), а также в виду его органической неспособности к конспирации — Мартов был в этом отношении по-детски наивен, таким он остался и на всю свою жизнь. Мартов и практическая работа были в то время крайними противоположностями.

Что с первого знакомства поражало в Мартове, это его молниеносная быстрота в мышлении, речи, чтении и письме, — особенно в чтении. Известную толстую книгу Тугана-Барановского «Русская фабрика» он прочел в 1894 г. за одну ночь и к утру запомнил наизусть целые абзацы. В 9 часов утра он, бывало, уже приходит ко мне, чтобы поделиться новостями и содержанием статей нескольких петербургских и московских газет и, вдобавок, еще нескольких статей какого-нибудь толстого журнала.

Мартов обладал колоссальными способностями, необыкновенным умением ориентироваться, чрезвычайной чисто-еврейской остротой мысли и к тому же феноменальной памятью. Острота его мысли преобладала над всеми остальными качествами его ума. Она часто переходила в ту пору в утонченную казуистику; его необыкновенный аналитический ум часто заставлял его критически относиться даже к бесспорным истинам. Это и способствовало развитию Мартова в столь сильного диалектика, в такого исключительно одаренного публициста. Помимо этого, Мартов был живой, подвижной натурой. Талант Мартова находил свое приложение преимущественно в области серьезной социально-политической публицистики с глубоким теоретическим оттенком, но не в области так-называемой «чистой науки». Отдаться всецело толстым фолиантам, окунуться головой в море цифр — это не было свойственно Мартову. Слишком бурно кипела в нем страсть к жизни, слишком била в нем энергия для борьбы, чтобы он мог спокойно и деловито предаться долголетним сухим занятиям. Но с другой стороны Мартов был слишком далек от практической жизни для того, чтобы он мог стоять в ту пору в главе практической работы организации. По этой причине Мартов и позже долго не входил в Ц. К. русской партии.

После от'езда Мартова в 1895 г. из Вильны, я встречался с ним лишь на с'ездах и конференциях. Мы состояли также в переписке по вопросу о взаимоотношениях между Бундом и партией. Как известно, Мартов, после своего возвращения в 1902 г. из туруханской ссылки, отправился в Мюнхен, где он, на страницах «Искры», выступил одним из самых горячих критиков тогдашней позиции Бунда. Но об этом не хочется сегодня говорить.

Я хочу закончить свои краткие воспоминания о Мартове описанием еще одной черты его личности. В частной жизни Мартов был исключительно преданным товарищем. Его бескорыстие, его беззаботность о себе были безграничны. Это была с головы до ног кристально-чистая душа. И над всем этим парил присущий ему безграничный идеализм. Кому бы ни приходилось столкнуться с Мартовым, тот не мог его не полюбить. Имя Мартова будет всегда упоминаться с любовью всеми его близкими товарищами. Потеря Мартова-человека не менее велика, чем потеря Мартова-политического деятеля и мыслителя.

Александр.

*) От ред. Эта статья приводится нами из виленской еврейской рабочей газеты «Unser Gedank», она принадлежит перу т. А. Кремера, автора брошюры «Об агитации», упоминаемой в ст. т. Юдина.

Последние строки Мартова

С величайшим напряжением воли, преодолевая все возраставшую слабость, одышку, сердцебиение, Юлий Осипович старался до последней минуты не выпускать пера из своих рук.

В его бумагах нашелся отрывок последней начатой им статьи. Вот этот отрывок.

«Рабочее правительство», — так называется новое откровение Коминтерна, так формулируется ближайшая цель пропагандируемого Москвой «единого фронта». Западно-европейские, американские и африканские коммунистические простачки, доселе знавшие только «диктатуру пролетариата» и «власть советов», ныне, как с писаной торбой, носятся с «рабочим правительством», которым готовы, дабы угодить начальству, заткнуть все дыры расползающегося большевистского мироздания.

Однако, при всем усердии, проявляемом простаками, легко заметить среди них немалое смущение по поводу нового лозунга. И немудрено: традиционной и официально-неотвергнутой коммунистической идеологии он идет, как корове седло.

В самом деле: до сих пор мы знали, что единственным рабочим правительством является правительство коммунистов — единственной партии, представляющей интересы пролетариата. Русское большевистское правительство называется «рабоче-крестьянским» правительством. Для правоверного коммуниста рабочее правительство равнозначуще с коммунистическим советским правительством. Правда, германские коммунисты подхватили и поддержали в 1920 г. во время Капповского путша лозунг независимых «рабочее правительство» в смысле правительства всех пролетарских партий; но и в самой германской К. П. и в других секциях Коминтерна это отступление от «советской диктатуры» вызвало немалое недоумение. Теперь же, когда Зиновьев провозгласил, что социал-демократия есть вовсе не правое крыло пролетариата, а левое крыло буржуазии, и является последним оплотом контр-революции, — теперь, казалось бы, не время жаловать титул «рабочего» правительству, в котором будет участвовать социал-демократы.

Социал-демократы — «последние агенты буржуазии» (изрек Зиновьев). Поэтому мы предлагаем им: господа агенты буржуазии, давайте образовывать единый фронт против буржуазии.

Социал-демократия — левое крыло буржуазии. Поэтому, мы ей говорим: господа левая буржуазия, будем образовывать рабочее правительство.

Весьма сомнительно, чтобы кто-либо из коммунистов разобрался в этой чепухе. Это видно из тех ком-

ментариев, которым подвергается в коммунистической печати новый программный лозунг.

Одно, однако, коммунисты несомненно поняли: борьба за советскую власть, за диктатуру путем гражданской войны откладывается в долгий ящик. Вместо этого коммунистическим партиям рекомендуется итти к государственной власти путем использования демократического парламентаризма, что, разумеется, не исключает (как никогда не исключало у революционных социалистов) большей или меньшей роли непосредственного движения масс в процессе достижения власти.

Коммунистические лидеры подчеркивают, что образованное таким образом рабочее правительство не будет еще выражать собой диктатуры пролетариата, т. е. такой полноты власти последнего, которая позволила бы ему осуществить радикальное преобразование социальных отношений. Но сами они допускают, что в процессе борьбы за сохранение власти в интересах пролетариата «рабочее правительство» сможет быть двинуто на путь «диктаторских мер» и что постепенно из него разовьется правительство-диктатор.

На этом статья обрывается — последние строки, написанные несравненным публицистом.

Скорбные дни

4-го апреля узнали: умер Юлий Осипович... Умер!.. Как мучительно, как невозможно остаться одному в комнате!.. У всех одно стремление — быть вместе, сплотиться, почерпнуть в коллективе силы, чтобы перенести безжалостный удар!.. Ждем приезда Ф. И. Дана, его подробного сообщения о последних минутах того, кто был живым знаменем, разумом и сердцем, душой и совестью всей нашей партии, кто был бесконечно-любимым, интимно-близким другом и товарищем для каждого из нас!

Дан приехал, и в воскресенье, 8 апреля, в 12 ч. наша колония собирается, чтобы выслушать его скорбную повесть. Черным сукном покрыты окна, пол и стены комнаты, и из каждой складки глядит печаль, а над черной трибуной, меж бюстами Маркса и Бебеля, скромно белеет портрет Ю. О., убранный красными розами. И невольно встает в моей памяти прозрачно-бледное лицо Ю. О., поднявшееся над могилой покойного И. А. Исува, чтобы почтить память одного из тех немногих, «которые остаются верны делу рабочего класса до конца и покидают свой пост лишь тогда, когда уходят... из жизни!..». Таков и он сам...

Молча мы встречаемся, молча пожимаем друг другу руки... О чем говорить?.. Чем утешить себя и другого?.. И в застывшую тишину зала падают тихие, прерывающиеся слова Юдина: «т-щи, нет среди нас более нашего Юлия Осиповича»... И все... Разве нужно еще что-нибудь? Разве нам, собравшимся сюда, надо о нем говорить?.. Зал молча встает, подавленный, разбитый горем, и, чудится, крылья смерти реют в зале...

«Что больше всего отличало Мартова?» — спрашивает Юдин. «Это — чувство ответственности за ту партию, которой он отдал себя целиком и без остатка. Что завещал-бы он нам? Беречь партию, беречь единство ее и все силы свои отдать делу служения партии, пролетариату и социализму»... И, кажется, весь зал дает безмолвно клятву следовать великим заветам покойного. «Слово принадлежит патриарху нашей партии — Павлу Борисовичу Аксельроду». Какая напряженная тишина!.. Словно драгоценная чаша, полная до краев бесценной влагой, в сердце у каждого из нас, и я боюсь пошевелиться... расплескать ее. Как трудно говорить П. Б-чу, какой гигантской волей он подавляет свое старое любящее сердце, чтобы сказать надгробное слово над любимым учеником!.. И как трудно удержать слезы, комком подступающие к горлу, когда П. Б... извиняется за то, что пережил Мартова: «Я так боялся этого... какое-то чувство вины у меня»... Перед его взором встает Мартов — юноша, неизвестный автор анонимных рукописей, присылаемых из России; Мартов, — на Лондонском с'езде 1903 года; Мартов — вождь меньшевизма. «Мартов — это был наш русский Бебель»... «Я всегда, да и не только я, всегда, с самого начала, ценил Ю. О. значительно выше всех остальных из «молодежи» того времени». «Но что особенно выделяло Мартова, — это исключительная духовность всего его существа!».

Мартов — не только вождь партии; Мартов прежде всего «человек», и к человеку, к товарищу и другу, к бесконечно-обаятельному Ю. О. обращается мысль говорящих. Горячие слезы катятся по старческому лицу П. Б...

Кругом бледные лица, расширенные глаза, и последним напряжением воли все силятся удержать крик боли, который рвется наружу...

Говорит Дан, и застревают в горле слова, перемешанные с рыданием. Он только что оставил труп Ю. О., только что оторвался от этого дорогого лица... Он рассказывает, как все произошло. Говорит о личности вырванного смертью друга, но и он, этот крепкий человек, не может кончить речь. Слезы душат его...

«Прочтите книжку Мартова «Записки соц.-дем.» и спросите себя: а где автор? Где сам Мартов? Его нет! есть коллектив, и только в нем жив Мартов», говорит Вайнштейн. «Жизнь Мартова, — это жизнь и история нашей партии». «Величина Мартова — огромна, и значение его для нас бессмертно. Как публицист, Мартов стоит рядом с Белинским и Герценом; как боец, он неустрашим и никогда не боялся остаться в меньшинстве; его удары — ужасны, его слово — огненно».

Слушаешь и думаешь: да, все это — так, все это — правда... и всего этого больше нет!..

Он отдал все в борьбе... и жизнь, и свободу!.. Тюрьмы, ссылка, подполье, эмиграция... и смерть в немецкой деревушке!.. Расходимся под звуки похоронного марша и думаем о далекой России, о Москве... Как они?.. Ведь они даже не могут собраться!.. А в тюрьмах?.. А в ссылках?.. И поневоле святой огонь ненависти зажигается в груди, и так мучительно хочется быть там... вместе с ними...

* * *

Мы ждем тела Ю. О., хотим встретить бренные останки, в которых покоился его великий дух. Поздно вечером 9-го прибывает оно, и прямо с вокзала на катафалке гроб перевозится в Вильмерсдорфский крематорий.

Мы ждем у крематория прибытия тела. Темно и холодно, резкий ветер, а может быть это холодно от мыслей, что вот здесь, в этой ужасной лаборатории смерти от тела Ю. О. останется горсть пепла?.. Спрашиваем служителя: «Julius Martow?» — Да, он знает, как же. Он читает «Форвертс». Он приглашает нас в свою квартиру. Слышал-ли он и раньше о Мартове? — Да, как же, он знает, читал... И поневоле думаешь: а знает ли русская рабочая молодежь, воспитанная в «комсомолах», о Мартове больше, чем дают «художественные» карикатуры всяких «Правд» и «Известий»?..

Раздается звонок, прибыло тело... Такое странное, такое тяжелое впечатление производит этот кортеж!.. Вносят гроб в крематорий... стоим... кто-то кладет на крышку гроба несколько цветков, кто-то платком стирает с него пыль, кто-то нежно проводит рукой по гробу... Молчим.... Неужели там он?.. Стоим... Надо уходить... Но как оставить здесь, в холодных камерах крематория, одинокий гроб с телом... Юлия Осиповича?.. Еще раз медленной вереницей проходим мимо гроба, еще последний взгляд... Уходим... а в сердце застыла пустота.

* * *

И еще одна ночь прошла, и снова взошло солнце. Сегодня — 10-го — последний день нашего прощания навеки с Юлием Осиповичем. До 4-х часов дня осталось немного, кругом крематория собралось до тысячи человек. Они пришли поклониться памяти Мартова. Группой идем мы к крематорию, и так ужасно гнетет этот темный дым, который по временам вырывается из трубы: так же сожгут и его!.. Толпа стоит молча, молча пожимают друг другу руку и молча ждут. Распорядители не впускают: крематорий не может вместить всех пришедших сюда! Пропускают сначала делегации и самых близких. Вот конфузясь проходит Горький, вот Луиза Каутская, дальше делегации: Ледебур, Криспин, Вельс, Брейтшейд, Штребель, президент рейхстага Лебе и др. Много русских, но немало и немцев. Довольно много коммунистов.

Раздаются величественные звуки Бетховенской «Eroica», толпа медленно вливается в залу и тесным кольцом окружают площадку с гробом, утопающим в цветах и окруженным венками. Как их много! Заграничная Делегация просила вместо венков жертвовать в пользу ссыльных и заключенных: Ю. О. так не любил всякую пышность, был так скромен и прост!.. И все же венки с красными цветами и лентами от всего Интернационала: от немцев, французов, швейцарцев, англичан, латышей, Бунда, Ц. К. нашей партии и т. д.: «Великому товарищу», «учителю и другу», «соратнику», «основателю и вождю»... Вся середина залы закрыта венками и цветами.

Плавно льются торжественные звуки Eroica, молча впились все глазами в этот черный гроб посреди, в котором покоится он... Начались речи. Дан от имени Ц. К., от лица всей нашей партии говорит последнее «прости» нашему учителю и вождю. Усилием воли он овладевает собой, и пафос борьбы и верности партии, заветам своего бессмертного вождя

проходит через всю речь. «Наша партия может гордиться, что имела своим вождем такого человека, как Мартов, друзья и враги одинаково вынуждены были признать его кристальную чистоту, и ни одна клевета никогда не смела попытаться наложить на него хоть малейшее пятнышко». Дан призывает к работе: «Мы нарушили бы все заветы нашего учителя, друга и вождя, если-бы для нас его смерть послужила сигналом к унынию — мы должны продолжать до конца его борьбу за освобождение пролетариата и всего человечества».

Этот основной мотив — исключительная моральная чистота личности Мартова и его высокий идеал — освобождение всего человечества, ибо именно так он понимал социализм — звучит во всех речах: говорит-ли Криспин от имени Венского Интернационала, в деле создания которого Мартов сыграл такую большую роль, — он говорит не только о роли Мартова в Интернационале, о его решительном ударе по большевизму на с'езде в Галле, но и о личности Мартова и кончает: «Горе тому режиму, который изгоняет таких людей, как Мартов»... Говорит-ли за ним Вельс от имени германской с.-д. партии, от II-го Интернационала, — он отмечает великую моральную ценность личности Мартова, как «гражданина мира», непрестанно боровшегося за всех униженных и оскорбленных, за освобождение всего человечества!

Небольшое слово Абрамовича от имени З. Д. нашей партии и редакции «Соц. Вестн.» целиком посвящено личности Ю. О.: «Мартов был нашим любимым и признанным вождем, но среди нас не было «мартовцев». Ю. О. первый не потерпел бы вокруг себя слепых последователей, без размышления следующих указке вождя. Ибо он был воплощенной высшей человечностью. То был не деспотический вождь, своей железной волей порабощающий все кругом, то был учитель и друг, «первый среди равных», создававший вокруг себя ту атмосферу правды, чистоты и свободы, воплощением которой для него был и социализм. Мартов был и останется нашим знаменем. Его имя останется нашим лозунгом, под которым мы будем бороться и побеждать». Каждый оратор открывает новые черты, каждый выявляет одну-две черты его характера и горько думаешь: как многогранна и богата была личность Ю. О.! «Среди нас, — говорил Р. А., — нашлось бы немало таких, которые без колебания согласились бы пожертвовать несколько лет своей жизни, чтобы продлить жизнь Ю. О.» Увы!.. Невозможна эта жертва, и не принимает ее Молох Смерти.

Карл Каутский болен, и Луиза Каутская читает присланное им письмо.

И дальше идут речи: от Бунда — Юдин, от с.-д. партии Грузии — Церетелли, от с.-р. — Чернов, от левых с.-р-ов — Шрейдер и т. д.

Юдин отмечает, что Мартов в своей речи 1 мая 1895 г. о самостоятельной организации еврейского пролетариата первый формулировал идею бундизма.

«Мартову — мыслителю, деятелю и человеку» посвятил свое слово Чернов. «Две черты особенно выделяли его, — говорит он, — это чистота и простота».

О борьбе Мартова с насилием, с террором во всех видах проникновенно говорил Церетелли, отметивший, что «никто, как Мартов, не умел так осветить молнией своего смеха убожество насилия». Мартов не только протестовал против насилий над пролетариатом, но, когда именем пролетариата начались бессмысленные насилия над побежденными и безоружными людьми из лагеря бывших угнетателей, Мартов — один во всей России — мужественно поднял свой голос протеста. И, когда враги русского пролетариата будут осыпать его обвинениями, пролетариат укажет на Мартова, и тот своей грудью защитит честь рабочего класса России.

Речи коротки, слова скупы. Мартову были несносны кричащие фразы. Вновь раздалась музыка: «Смерть Азы» Грига. Глаза впиваются в крышку гроба: ведь остались минуты... Грига сменяет «Интернационал», а затем мертвая тишина... Настороженная боязнь... И вдруг гроб покачнулся и медленно поплыл вниз... Задушенный крик вырвался из груди!.. И глаза впиваются в гроб. Еще мгновение — и не стало его. Черная бездна поглотила Юлия Осиповича Мартова!.. Это было в 5 ч. 40 мин. дня 10 апреля. Публика остается на местах. Но надо уходить. Молох Смерти требует следующего жертвоприношения. Медленными тяжелыми шагами мы выходим оттуда, где остался навеки Ю. О.

Солнце продолжает светить, молодая зелень пробивается кругом, а на деревьях набухли почки. Идет новая весна, новая жизнь...

Мы долго стоим у здания. Инстинктивно хочется быть ближе к тому месту, где мы оставили «его»... И молча мы медленно расходимся, чтобы начать завтра снова то дело, за которое боролся, которому до последнего дня был верен наш вождь, учитель и друг. —

Тяжелые скорбные дни. И никто из нас не забудет их никогда!..

С. Двинов.

Отклики иа кончину Мартова

Рабочая пресса всего мира посвятила Ю. О. Мартову статьи и заметки. Многие органы общей печати также отметили его кончину. В следующем номере мы постараемся дать более или менее полную сводку этого материала. Здесь же приводим список телеграмм и писем, полученных Заграничною Делегациею партии, редакциею и ближайшими друзьями покойного в первые дни горестной утраты. От имени заседавшей в Брегенце «десятки» получена за подписями Ф. Адлера и Т. Шоу следующая телеграмма:

«Организационный комитет по созыву международного социалистического конгресса, в качестве представителя всего социалистического пролетариата, высказывает русским товарищам чувство соболезнования всех социалистических партий по поводу незаменимой утраты, понесенной Интернационалом в смерти товарища Мартова».

Поль Фор от имени французской социалистической партии телеграфирует:

«Глубоко взволнованная печальною вестью о смерти Мартова, великого и благородного представителя социализма и русской революции, французская социалистическая партия шлет Р. С.-Д. Р. П. выражение своего горячего соболезнования».

От финляндской с.-д. партии за подписями председателя Таннера и секретаря Тайнио:

«С.-д. партия Финляндии выражает Р. С.-Д. Р. П. свое глубокое соболезнование и братское сочувствие по поводу кончины товарища Мартова, честного, стойкого борца за социализм, талантливого марксиста и вождя партии, ведущей в небывало тяжких условиях непримиримую борьбу за освобождение угнетенного русского пролетариата и всего народа».

От латвийской с.-д-ии за подписями Рудевица и Калнина:

«Ц. К. социал-демократии Латвии выражает искреннее соболезнование по поводу смерти вождя русской социал-демократии».

В письме от имени Ц. К. болгарской рабочей с.-д. партии и болгарских с.-д. в Берлине т. Сотир Янов выражает глубокое соболезнование Заграничной Делегации и пишет, что «боевой дух Мартова и его безграничный идеализм будут для болгарских социалистов примером для подражания».

Ц. К. Бунда в Польше телеграфирует:

«Скорбим о смерти товарища Мартова, пионера и основателя Р. С.-Д. Р. П.».

Получены также телеграммы и письма от еврейского социалистическаго союза в Нью-Йорке и его органа «Der Wecker» за подписями Шуба и Шанина, от загран. делегации еврейской об'единенной партии за подписями председателя Бенадира и Сингаловского, от Поалей-Цион за подписями Бергера и Локера, от загр. дел. партии с.-р. за подписью В. Чернова, от загр. дел. партии левых с.-р. за подписью А. Шрейдера, от комитета защиты анархо-синдикализма при международном товариществе рабочих, от двинского Бунда и рабочего клуба имени Переца, от загр. делег. Цеире-Цион, от московской группы с.-д., от латвийского Ц. Б. Бунда, от парижской организации с. р. за подписями Минора и Роговского, от Плехановской группы с. д. в Нью-Йорке за подписью Джэмса, от соц. группы евр. студ. союза в Берлине и др.

Парижская группа нашей партии телеграфирует:

«Потрясенные безвременной кончиной любимого вождя партии Мартова, просим передать Ц. К-ту выражение нашей глубокой скорби. Русский и международный социализм потеряли незаменимого руководителя, борца, положившего всю жизнь за дело рабочего класса. Российский пролетариат не забудет того, кто в самые мрачные времена бесстрашно возвышал свой голос против преступного истребления человеческой жизни».

Однородные телеграммы и письма прислали женевская, брюссельская и нью-иоркская группы меньшевиков, русские и грузинские с. д-ы в Гейдельберге, берлинская организация с.-д. раб. партии Грузии, пражская группа с.-р., парижская организация Поалей-Цион, группа русских с.-д. в Лондоне, редакция Зари.

Заграничной Делегацией и друзьями покойного получено также множество личных откликов на смерть Юлия Осиповича. Письма Р. Гильфердинга и Г. Штребеля были напечатаны в экстренном выпуске. Письмо К. Каутского, которому болезнь помешала явиться лично, было прочитано его супругою над гробом Мартова. Отто Бауэр пишет, между прочим:

«Каждый разговор с ним (Мартовым), каждая статья его были для меня событием. Не только потому, что он был несомненно самым тонким аналитиком всего Интернационала. Не только потому, что он так трогательно одухотворенно и мужественно переносил трагедию своей личной и политической судьбы. Но и потому, что эта трагедия была как бы символом того, что так или иначе приходится теперь переживать каждому из нас: трагедией духа в борьбе против господствующей в жизни стихийности, иррациональности, насильственности».

Президент рейхстага обратился к Загр. Делегации с следующим письмом:

«Многоуважаемые товарищи!

По возвращении в Берлин я узнал о тяжелом ударе, постигшем вас в виде смерти нашего почитаемого вождя и товарища Мартова. И мне хочется выразить вам свое сердечное соболезнование, потому что мужество, с которым почивший проходил свой тернистый жизненный путь, втечение десятилетий служило для нас, немецких социал-демократов, ярким образом для подражания. Надеюсь, что наступит день, когда ваша партия и ваш народ пожнут плоды неутомимой работы товарища Мартова.

С искренним соболезнованием
преданный вам
Лэбе».

Горячие чувства скорби и почитания памяти нашего усопшего вождя высказаны также в письмах и телеграммах Г. Ледебура, Ф. Штэссингера, Н. Жордания, Р. М. Плехановой, Л. Дейча и Э. Зиновьевой-Дейч (от имени комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова), Н. Рубакина, Е. Кусковой, Р. Бланка, В. Гриневича (М. Каган), Эрлиха, Дубновой, Нойаха, Михалевича (из Варшавы), Э. Ивинской и В. Алтера (из Варшавы), Л. Будина и Г. Медем (из Нью-Иорка), С. и А. Ингерман (Нью-Иорк), Кагана (ред. Нью-Иоркского «Vorwärts»), А. Потресова (Москва), В. Зензинова, В. Зельгейма, Ю. Райхесберга, П. Звездича, Г. Фрейнда (с.-д., тов. мин. вн. д. Тюрингии), Е. Гегечкори, С. Зборовского, А. Браиловского, П. Ренoделя (Париж), Ив. Меньшевика (Франция) и мн. др.

Само собою разумеется, что меньше всего имели возможность спешно откликнуться на смерть Юлия Осиповича те, кто наиболее остро и глубоко переживают горе, — наши партийные товарищи в России. До выхода номера мы успели получить следующий отклик нашей одесской организации:

Дорогие товарищи!

Пораженные смертью тов. Юлия Осиповича Мартова, Одесский Комитет и вся Одесская организация в глубокой скорби шлют свое соболезнование Бюро ЦК, Центральному Органу «С. В.» и в лице их всей партии.

Тяжелая утрата вождя и человека, мысль которого наиболее резко, точно и четко выражала за последнее время мнение партии, острою болью отразится в душе каждого социал-демократа.

Жизнь, полная лишений, постоянные скитания по тюрьмам, ссылкам и в изгнании подорвали здоровье дорогого учителя и, — как больно чувствовать и сознавать, — его уж нет с нами...

Ум тов. Мартова был острым оружием партии, — оружием, которого так боялись враги и к которому с уважением относились соратники.

Утрату его особенно тяжело сознавать теперь, когда партия снова выходит на старый тернистый путь борьбы и испытаний и когда она переживает наиболее тяжелые гонения со стороны озверевших властителей.

Их, этих душителей свободы, не последняя доля вины в смерти Юлия Осиповича.

Большевистский террор не дал возможности тов. Мартову продолжать работу, которой он посвятил всю свою жизнь, и он, больной физически и измученный нравственно, вынужден был, по настоянию партии, уехать заграницу для выполнения важнейших партийных поручений, но и вне России он продолжал руководить партией и партийной работой по освещению действительного положения российского рабочего класса пред западно-европейским пролетариатом и по восстановлению единства рабочего движения в интернациональном масштабе, разрушенного войною и раскольнической работою коммунистов.

И теперь вдруг ужасная весть...
Умер...
Тяжело осознать, привыкнуть и освоиться с этим.
Мир праху твоему, дорогой друг, вождь и учитель!

Одесский К-т и Одесская организация шлют тебе последнее «прости». Твои заветы партией не будут забыты, и послужат основою к большему сплочению в тяжелой борьбе за права рабочего класса и за социализм.

Одесский К-т.

Увековечение памяти Л. Мартова

Издание полного собрания сочинений Мартова и написание монументальной биографии его с использованием всей сохранившейся переписки, воспоминаний и пр. есть дело необходимое, но требующее для своего завершения значительного времени.

Между тем существует настоятельная потребность дать русским рабочим теперь же материал, который увековечит в их памяти образ великого пролетарского вождя и в то же время поможет им разобраться в своих классовых задачах в переживаемую тяжелую и смутную эпоху: слово мертвого ныне Мартова должно продолжать служить великому делу классового самоопределения пролетариата, которому сам он служил всю свою жизнь.

В виду этого Заграничная Делегация партии постановила в первую очередь:

1) Поручить т. Дану написание краткой биографии Мартова, рассчитанной на самые широкие круги рабочих.

2) Поручить редакции «С. В.» составить и издать сборник избранных статей Мартова за период с октябрьского переворота 1917 г. до последнего времени.

3) Немедленно переиздать в виде брошюр следующие произведения Мартова:

а) «Долой смертную казнь!».
б) «Мировой большевизм».
в) Речь, произнесенная в Галле на конгрессе немецкой независимой соц. партии.

Загр. Делегация Р. С.-Д. Р. П. просит всех лиц, в распоряжении которых находятся письма и неизданные рукописи Мартова, произведения его, ставшие библиографической редкостью, а также воспоминания о нем, поделиться с нею этими материалами. По желанию все материалы, по использовании или снятии копий, могут быть возвращены владельцам.

„Единство и сплоченность"

«С'езд наш будет демонстрацией единства и сплоченности нашей партии», — так закончил Каменев свой доклад на московской конференции РКП. Можно поверить Каменеву: ведь никто не умеет, как он, режиссировать демонстрации «единства и сплоченности» даже в такой момент, когда за кулисами царит ожесточенная фракционная война. И чем сильнее борьба клик и чем серьезнее война «платформ», тем тщательнее будет подготовлена «демонстрация единства». Но велика-ли ее реальная ценность?

Об этом не трудно судить, если внимательно проследить партийную дискуссию перед с'ездом. В самом начале ее, месяца полтора назад, Зиновьев сообщил в «Правде» несколько цифр о социальном составе РКП. Несколько цифр, ибо совершенно очевидно, что большую часть их он оставил для «внутреннего употребления». Но и за то, что он опубликовал, можно выразить ему большую благодарность. Из 410 000 членов коммунистической партии в городах живут 260 000. Процент рабочих в партийных организациях составляет в Москве — 8,9; в Петрограде — 11,6. Общую цифру рабочих по всей России Зиновьев замалчивает, сообщая в утешение товарищам, что есть в провинции фабричные городки, где процент рабочих достигает даже 40! Нет сомнения, что для всей России этот процент не достигает и 15. Но если исходить из 15 %, то число рабочих составит целых 39 000! 39 000 рабочих на 410 000 членов рабочей «единственной» пролетарской

партии. Сколько из них *рядовых* рабочих, если скинуть председателей завкомов, секретарей и пр.?

Как быстро теряет русский коммунизм свой авторитет в рабочей среде, легко видеть из того, кто сейчас *вступает* в РКП. Из 112 700 кандидатов приходится на:

фабрично-заводские	ячейки	6 932
транспортные	„	4 294
крестьянские	„	51 763
военные	„	27 728
советские учреждения	„	13 881
прочие	„	8 176

Рабочие находятся, очевидно, только в первых двух категориях. В них 11 200 кандидатов; но среди них также и служащие, инженеры и пр. На 112 000 кандидатов, которые через месяц — другой войдут в партию, рабочие не составляют и 10 000. Крестьяне-же (т. е. председатели и члены волисполкомов и т. под.) составляют почти половину, а ежели прибавить к ним красноармейцев, — то и все ¾. Характерно для настоящего момента, что даже «контр-революционные» советские служащие дают больше коммунистических рекрутов, чем пролетариат! Можно, после этого, по достоинству оценить пафос Зиновьева: «мы вновь завоевали доверие рабочих масс!»

Коммунистическая партия все больше превращается в партию чиновников-профессионалов и чиновников-крестьян, с ничтожным привеском рабочих. А тот факт, что среди этого чиновничества много выходцев из рабочей среды, ни в каком случае не спасая чистоту коммунизма, обусловливает лишь *медленность* перерождения партии, *постепенность* проникания в нее новых, чужих влияний. Секретарь московской организации РКП констатирует, напр., в своем докладе: «хозяйственное обрастание коммунистов, особенно деревенских и уездных: домики, коровы и проч., при чем интересы своего хозяйства начинают преобладать над требованиями и партработы и партэтики». «Наблюдаются случаи личных, неделовых связей с нэпманами и дельцами со стороны части товарищей, преимущественно хозяйственников; забывается, что нэпман враг коммунизма, что за пределами строго деловых отношений никаких других между нэпманом и коммунистом быть не должно». «Погоня за житейским благополучием и вследствие этого усиление карьеризма, подсиживание других, стремление продвинуться вперед за счет своих товарищей, или чаще за счет беспартийных, под видом ложно понимаемых государственных интересов. Создание на этой почве группировок и групповой борьбы в ячейках». А Зиновьев делает невинное лицо и восклицает: что-ж с того, что все коммунисты — государственные служащие? Мы, как были, так и остались организацией профессиональных революционеров, только теперь мы делаем революцию в качестве государственной власти! А во что государственная власть превращает «организацию профессиональных революционеров», — об этом Зиновьев задумывается не слишком долго.

Пропитывание одной части коммунистической партии собственническими элементами и собственнической идеологией происходит параллельно с кристаллизацией новых настроений в ее пролетарских частях. Борьба «платформ» и фракций накануне и во время партийного с'езда отражает первые шаги этого процесса — образования в недрах «единой и сплоченной» РКП различных классовых идеологий. И в то же время в этих идеологиях отражаются с поразительной ясностью потребности и запросы сегодняшнего дня, в них отливаются те требования, которые хозяйственный процесс ставит правящей партии.

«Хозяйственники» воспринимают дело так: бюрократическое, полицейское вмешательство партийных органов во все вопросы хозяйственной жизни стесняет хозяйственную работу и мешает экономическому под'ему. С другой стороны, хозяйственные потребности требуют участия в практической работе, вплоть до высших экономических постов, не только и не столько коммунистов, сколько «спецов», беспартийных, квалифицированных интеллигентов и т. д. Поэтому «платформа хозяйственников» требует «открытия действительного, широкого, беспрепятственного доступа беспартийным вообще, беспартийным интеллигентам и квалифицированным работникам в частности, на все советские должности, в том числе и на выборные». Она пытается свести до минимума значение «*партийного билета*». Она советует партии перенести центр тяжести своей работы «на воспитание членов и на идейное обслуживание широких масс трудящихся». И, наконец, она решается на такую смелую фразу: «надо уничтожить монополию коммунистов на ответственные места!».

Слабость и трусость мысли, отличающая все новейшие фракции коммунизма, мешают «хозяйственникам» додумать свою мысль до конца. Эта мысль означает не что иное, как ликвидацию диктатуры и установление хотя бы некоторой «законности». Она не означает, конечно, демократии и свободной общественной жизни: до этого хозяйственникам мало дела, а стачки причиняют им и без того уж не мало огорчений. Поэтому, Бухарин совершенно напрасно бросает им самое страшное обвинение, какое возможно в «социалистической республике» — будто она является «спуском на тормозах» к меньшевизму. Меньшевизма-то у хозяйственников не много, за то буржуазной, нэповско-устряловской идеологией они проникаются довольно быстро.

В другой сфере эта буржуазная идеология проявляется не менее отчетливо: в области национальных и международных вопросов. Она дает себя чувствовать столь сильно, что Сталин выступает на с'езде с специальным докладом на эту тему, с докладом, направленным не против буржуазных националистов, не против мирового империализма и даже не против меньшевиков и эсеров, а против националистов и империалистов в своей собственной среде: у нас существуют, говорит он, пережитки великодержавного шовинизма. «Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, они гнездятся в наших государственных учреждениях». Иной читатель скажет, пожалуй: раздавив Грузию, подавив независимость всех окраин, Сталину как будто не к лицу толковать о борьбе с великорусским шовинизмом. Но на коммунистическом с'езде это никого не смутит, и резолюция Сталина будет, конечно, принята единогласно, в том числе и теми, против кого она направлена и кто завтра-же будет спокойно ее нарушать.

Не мало огорчений причиняет накануне с'езде платформа «Рабочей Правды». Это первая попытка коммунистических рабочих и их идеологов — осознать свои особые интересы в условиях нового капитализма. В ней много недодуманного, много фальшивого, много компромиссного. Но в основе своей она представляет попытку сближения коммунизма с демократией, и она отвечает назревшей потребности всех мыслящих русских рабочих в свободных формах организации, в свободной общественной жизни. Она критикует «произвол и эксплуатацию», констатирует, что коммунистическая партия «все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом», и даже говорит о борьбе за демократию». Но лишь только дело доходит до практических выводов, — «Рабочая Правда» запутывается в

трех соснах. Ей не нравится большевистская партия, но она боится скомпрометировать себя и симпатиями к меньшевизму. Она чувствует потребность в самостоятельной организации пролетариата, но тем не менее находит, что «коммунистическая партия единственно способна руководить нашей республикой». Для чего-же тогда строить свою партию, которая будет неспособна управлять? И если РКП подавляет демократию, а «Рабочая Правда» требует демократии, — какое «самоотвержение» и вместе с тем какое легкомыслие необходимо для того, чтоб признать эту, нынешнюю террористическую компартию «единственно способной управлять нашей республикой!».

Старая фракция «демократического централизма» также оттачивает оружие свое к с'езду. Осинский выступает — не в первый раз — со своим очень умеренным проектом введения законности, при сохранении коммунистической диктатуры. Он констатирует совершенно правильно, что «слияние партийного и советского аппарата, которое всегда идет к подчинению советского аппарата партийному, приводило до сих пор к хирению советского аппарата, к нарастанию в нем безответственности и чиновничьей пассивности». Но ведь это «слияние», т. е. подчинение всех государственных органов приказам коммунистических ячеек и комитетов является единственно возможной формой коммунистической диктатуры! Ведь без такого «слияния» диктатура должна уступить место какому-то другому режиму. Однако, все скудоумие и вся половинчатость этой «платформы» выражается в том, что самым радикальным из ее требований является следующий пункт: «Законодательная работа перемещается во В. Ц. И. К., который начинает для этого, наконец, не на словах, а на деле созываться на длительные сессии». Но В. Ц. И. К. будет попрежнему подобран, конечно, из одних коммунистов; и ни одного депутата оппозиции допущено не будет. Грандиозный переворот в системе советской власти! Все коммунистические сады в миг зацветут от таких радикальных реформ!

Как ни ублюдочна мысль Осинского, в ней, как и в целом ряде других платформ, находит себе выражение главное требование наиболее живых элементов большевизма в настоящий момент: эмансипация от РКП! Свобода от партийных приказов, каждодневных директив, монопольных прав «партбилета», бессмысленных окриков, невежественных контролеров, никчемных назначенцев. От этого еще очень, очень далеко до демократии. Но в этом заключена ликвидация диктатуры, т. е. режима, стоящего выше законности и конституционных норм. Ликвидация диктатуры — не демократия, но первый шаг к демократии.

Именно потому, что за каждой новой «платформой» и фракцией большевистскому Ц. К. мерещится демократия, — их обвиняют огульно и порознь в меньшевизме. Борьба с собственным «меньшевизмом», в своих собственных рядах (которому, впрочем, очень далеко еще до социал-демократизма), делается главной заботой «Правды» и большевистского Ц. К. Идет-ли речь о тезисах Осинского, — Каменев возражает: «у них ликвидаторско-меньшевистская сущность»; «они воспринимают основную меньшевистскую идею». Приходится-ли бороться с «Рабочей Правдой», — Бухарин находит четыре пункта соприкосновения с меньшевизмом, а про общий анализ ее восклицает: «Разве это не меньшевистская оценка?..». Об общих перспективах партийного с'езда «Правда» пишет в передовой статье: «Некоторые товарищи склонны поддаться на меньшевистскую удочку». И даже в платформе «хозяйственников» находятся идеи, которые представляют «буквальное повторение общего вывода г. г. Каутских и Мартовых».

Этот растущий призрак «меньшевизма» внутри РКП — не только любопытное зрелище. Это, кроме того, и серьезный симптом. В 1917 году, в период роста большевизма, нашей партии приходилось вести борьбу против тех своих членов, которые, поддаваясь стихийным настроениям, все больше уклонялись в сторону российского якобинства. Нам приходилось на каждом шагу встречаться с «большевистскими» элементами внутри социал-демократии, и они в конце концов покинули нашу партию в период террора и гражданской войны. Помимо шкурнического дезертирства, в этом сказывалось и общее усиление большевизма, его утопий и иллюзий в среде тех классов и слоев, где и нам приходится работать. Этот процесс закончился 1—2 года назад.

Теперь аналогичный процесс переживает торжествующий большевизм. Новая историческая ситуация, безжалостно убив иллюзии и утопии, рождает в народных массах тягу к свободе общественной жизни, потребность в общественной борьбе, — растет стихия демократии. Коммунизму приходится на каждом шагу натыкаться на «меньшевистские уклоны» и крепкими словцами клеймить «дезертиров». Когда меркнет ореол диктатуры, — растет влияние демократизма. И каждый новый день, и каждый новый акт большевизма льет воду на нашу мельницу.

С'езд будет «демонстрацией единства и сплоченности». Но крот истории хорошо роет. И гордое здание «единой и сплоченной» террористической диктатуры, рухнув от его мерной, упорной работы, уступит место новой, подлинной демократии — уступит много скорее, чем этого ожидают успокоившиеся и самоуверенные режиссеры 12-го с'езда.

Кровавая спайка

К длинному ряду мучеников, которых большевистское безумие уже подарило церкви, прибавилось еще два имени: католического архиепископа Цепляка и прелата Буткевича. Обоих большевистский так называемый «суд» приговорил к смертной казни. Но под напором протестов со всех концов мира большевистское правительство дрогнуло и пошло на компромисс: «помиловало» к пожизненному заключению Цепляка и расстреляло Буткевича, как расстреляло уже митрополита Вениамина и десятки безвестных священников, как готовится расстрелять патриарха Тихона, гомельского раввина, служителей всевозможных культов.

Все слова негодования и возмущения людоедской «юстицией» большевиков были уже сказаны тысячи раз — всегда с одинаковым успехом: что значит нравственное отвращение для людей, которые привыкли видеть особое молодечество в том, чтобы позорить революцию и свое коммунистическое знамя возвращением к приемам первобытного варварства в расправе со своими врагами? Но позволительно спросить, какая же цель преследуется этими подлыми убийствами с точки зрения той «революционной необходимости», которою и сами большевики и их апологеты любят об'яснять палачество «красного» террора? Все, что до сих пор сказано большевиками в оправдание истребления наиболее видных служителей церкви, разумеется, и ими самими не может приниматься в серьез. Операция из'ятия церковных ценностей, под предлогом которой затеяна кровавая расправа, давно закончена. Говорить об организации восстаний духовенством просто смешно, тем бо-

лее, что сами большевики изо дня в день трубят на весь мир, что никаких восстаний нет и быть не может, что весь народ с ними, что власть их никогда еще не была так прочна. Так в чем же дело?

А дело в том, что эта прочная власть, которой, действительно, сейчас ничего не грозит извне, неудержимо расползается изнутри; что под напором повелительных требований жизни внутри самой правящей партии растут нелады, неизбежно выливающиеся в форму борьбы клик; и что для «лѣвых коммунистов», в лагере которых фанатики утопизма тесно переплетаются с настоящими бандитами, мошенниками и барышниками революции, все новая и новая кровь есть тот «особый сок», которым они только и надеются еще склеить трещащее по всем швам единство террористической диктатуры.

И ради этой кровавой спайки ставятся на карту все интересы страны; прямо насаждается религиозный фанатизм; сеется ненависть в преданном церкви крестьянстве, с которым власть так жадно ищет «смычки»; наносится удар всей внешней политике советскаго правительства, направленной на завязывание торговых и дипломатических сношений с другими странами: обостряются отношения с Польшей и доводятся почти до разрыва отношения с Англией; и т. д. и т. д.

Хладнокровная рассчетливость этих все новых и новых убийств, творимых уже не в обстановке «военного коммунизма», а в обстановке разгульного, развратного, продажного нэп'а—делает эти убийства особенно подлыми и гнусными. Но она же и с небывалою яркостью подчеркивает непримиримое противоречие между интересами страны, трудящихся масс, революции—и интересами самосохранения пережившей себя и смердящей, как труп, диктатуры.

Д.

По России

К «юбилейной» облаве.

В Г. П. У. все помещения набиты арестованными. Очень много арестовано печатников в разных типографиях. Подтверждаются сведения об обысках у коммунистов. По городу ходит масса слухов. Между прочим, б-ки распустили слух, что меньшевики... готовили «заговор». С другой стороны, все время ходят слухи и разговоры о каких-то арестах в Кремле; передают, что арестованные коммунисты сидят в Андрониковском лагере... Сведения эти не проверены. Но все это характеризует, насколько город взволнован и встревожен «юбилейной» операцией.

Передают слова Уншлихта, что вся облава вызвана поисками нашей партийной типографии, и что предстоят еще обыски, что «типографию Г. П. У. найдет». Они, действительно, взбешены. В день юбилея в Москве, Питере, Брянске, Гомеле и др. городах рабочие кварталы были положительно заклеены нашей листовкой. Она читалась широко и очень понравилась рабочим.

Москва. Пересусердствовали.

Губиздат обратился в высшие инстанции с жалобой на действия Г. П. У.: при последних массовых конфискациях книг в список запрещенных книг попал и ряд изданий самого госиздата.

В некоторых городах конфискован только что вышедший русский перевод книги Шпенглера «Закат Европы».

Надзор за «бывшими».

(Секретный циркуляр Г. П. У. от ноября 1922 г.).

«За последнее время участились случаи, когда исключенные из РКП во время чистки ее рядов проявляют себя, как антисоветский элемент, выступая с критикой сов. власти, РКП и отдѣльных ответственных работников, выдавая себя за «настоящих коммунистов», в отличие от «имеющих партнижки». Выступления их зиждятся главным образом на роли и задачах профсоюзов в производстве и носят чисто контр-революционный характер.

Наблюдается, что исключенные из РКП, состоявшие ранее в др. партиях, переходят снова на платформу этих партий, действуют по заданиям последних, выдвигают лозунги: «свобода слова и печати», свободные советы», «полнота политических прав и свобод» и использовываются всеми антисоветскими партиями до монархистов включительно.

Порядочный процент исключенных из РКП, состоявших ранее в др. партиях, представляют из себя солидную величину, как агитаторы и организаторы, и зачастую не только вносят разлад среди молодых членов РКП, но вводят в заблуждение и ответственных работников, особенно в уездах и местностях с крестьянским населением и разлагают последнее. Как и антисов. партии (м-ки, с.-р. и др.), они ведут местами разлагающую работу среди РКСМ.

И есть случаи, когда бывшие члены РКП входят в связь с оперирующими бандитами, оказывая им всемерную поддержку. Данное заставляет смотреть на часть исключенных из РКП, как на одну из опасных антисов. группировок, и применять к ним все методы борьбы, как и к другим антисов. партиям, а для этого нужно: 1) срочно учесть всех бывших членов РКП, проявивших себя в выступлениях на собраниях, митингах, с'ездах, конференциях, различной агитации, распространении ложных слухов и прочее, согласуя данную работу с губкомами и укомами, 2) на наиболее активных сейчас же завести агентурные дела и вести разработку, в процессе последней выясняя одноличность действий, группы, связь с другими партиями и пр., 3) выяснить, кто из исключенных из РКП не снят с ответственных постов (особенно в вол- и селсоветах, отделах укомов, фабриках и заводах), установить, как они себя ведут, и, в случаях проявления ими каких-либо действий антисов. характера, входить в соответствующие парткомы РКП с предложением о снятии данных лиц с занимаемых ими постов, 4) данная разработка должна вестись в строго-конспиративном порядке в силу того, что многие из исключенных из РКП, находясь ранее на ответственных постах, до предгубисполкомов включительно, в данное время не потеряли своих связей».

В заключение циркуляр рекомендует не брать на учет исключенных за шкурничество, уголов. преступления и пр.

Из протоколов Центральной Контрольной Комиссии Р. К. П.

Дело Басова и Любимова. Басов П. И., 27 лет, юрист-практик, в Р. К. П. с 1917 года, бывший зампред Харьковского горсовета; Любимов Н. В., 32 года, в Р. К. П. с 1919 года, артист, бывший начальник милиции в районе города Харькова — исключены харьковской К. К., без права вступления, за пьянство, взяточничество и попытку к изнасилованию официантки. Апеллируют исключенные.

Постановили: «Подтвердить постановление харьковского К. К. об исключении без права вступления из рядов партии Басова и Любимова, как некоммунистический элемент». (Протокол Ц. К. К. от 1 XII 1922 г. за № 135.).

Дело ярославцев. Слушали: постановление Ц. К. К. от 1 IX 22 г. по делу Статчина в связи с пьянством ответственных работников Ярославской губ. Постановили: Александрова (уездвоенкома), Филимонова (члена губисполкома), Славина (завед. хим. от. Г. С. Н. Х.), Мусикова (командира полуэскадрона), Румянцева, (его помощника), Аристова (зав. отдел. Ч. К.), Долина (нач. III отд. С. О. О.), — всех вышеупомянутых исключить из Р. К. П. в связи с самоубийством политрука Суворова. (Прот. Ц. К. К. от 14 XI 22 г. за № 123.).

Дело Лученца. Слушали: Лученц К. П., рабочий, 40 лет, член Р. К. П. с 1919 года, обвиняется в избиении арестованных. Гомельским К. К. об'явлен выговор.

Постановили: Заслушав об'яснения тов. Лученца, показания члена гомельской К. К., Ц. К. К. выговор отменяет и ставит ему на вид нетактичный поступок. Революционный стаж зачислить с 1905 года, а большевистский стаж с 1918 года. (Протокол Ц. К. К. от 18 XI 22 г. за № 126.).

Дело Липовецкой организации....«Группой собирались и дебатировали по вопросу о половой жизни, подходя к этому вопросу с мещанской точки зрения, где имела место мелкобуржуазная порнография». (Спор о наказании между киевской К. К., Ц. К. К. П. У. и Ц. К. Р. К. П.).

Из чекистской литературы.

Называется этот труд так: «Книга № 1 на разыскиваемых органами ГПУ политических преступников за время с 1918 г. по 31 VII 1922 г.». Издание Отдела Центральной Регистратуры Секретно-Оперативного Управления ГПУ.

На голубой обложке пометка — «совершенно секретно».

Открывается книга следующими заявлениями: «Означенная книга об'единяет все ранее изданные циркуляры с 1918 г. до 31 VII 1922 г. (циркуляры №№ 55 083 до 177 976 1921 г. и 142 944 - 161 371—1922 года), в силу чего с получением настоящей книги изданные циркуляры за вышеуказанный период аннулируются. По обнаружении кого-либо из разыскиваемых, занесенных в настоящую книгу, немедленно поставить в известность разыскивающие органы с одновременным сообщением об этом центральной регистратуре ГПУ на предмет прекращения розыска. Начальник Отделения Центральной Регистратуры Шанин. Начальник бюро розыска Подобедов».

Казалось бы, книга эта, обнимающая до 5000 имен, должна была представлять исключительный интерес. Увы, интерес ее совершенно своеобразный. Судя по этой книге, разыскиваемых политических преступников в Советской России почти нет. Мы нашли в ней 3—4 фамилии с.-д., несколько никому неведомых имен с.-р-ов, двух-трех анархистов и пару-другую лиц, в свое время разыскивавшихся по делу Локкарта.

Все остальные — это «бандиты», — под каковым именем у г. г. коммунистов известны участники крестьянских восстаний, — случайные, но вместе с тем весьма характерные виновники разного рода правонарушений, обычные уголовные преступники и, наконец, проштрафившиеся чекисты, коммунисты, «политруки» и лица, занимавшие высшие должности в милиции. Эта последняя группа охватывает 340 имен.

Список пестрит указаниями: «об'явлен вне закона», «приговорен к расстрелу», но есть в нем и еще более красочные пометки. Приведем одну из них: «Коткарно, Ф. А., 19 лет, приговорен к расстрелу, скрылся во время исполнения приговора». Кто этот юноша, как он скрылся «во время исполнения приговора», по какому делу был вынесен ему этот «приговор» — обо всем этом книга молчит. Она вообще весьма лаконична и лишь изредка расшифровывает туманные советские термины: «преступление по должности», «контр-революция» и т. д. Так о некоем В. В. Дорошенко, агенте ДТОГПУ, по профессии кузнеце, она сообщает: «обвиняется в преступлении по должности, т. е. во взяточничестве, пьянстве и т. д.». Некто Колобов-Кучин, бывший член РКП., секретный сотрудник, обвиняется «в расшифровании себя и работы информационной части О. О., в подозрении личности (?!) скрылся». Разыскивается Воронежским Отделом ГПУ за № 160 427 от 12 VII 1922 года. Колобов-Кучин обвиняется в «расшифровании» себя, а 17-ти летний Покрашович, бежавший из лагеря, осужден «за раскрытие секретного сотрудника».

Эти «секретные сотрудники» как известно, в органах ГПУ, по примеру царской охранки, носят особые клички. Во многих случаях книга приводит их рядом с фамилиями. Как общее правило, это все старые филерские клички, и лишь один, ныне разыскиваемый «секретный сотрудник» феодосийской чеки, Дмитрий Яковлев, носил гордую кличку «Свободолюбов».

Розыск несовершеннолетних и даже детей представляет собою заурядное явление. Выше мы приводили «справку» о 17-ти летнем «политическом преступнике» Покрашовиче. Вот другая справка: «Хермонинус, Эня Израилевна, скрылась из-под надзора. Обвиняется в незаконном переходе границы. Приметы: 15 лет, рост средний и т. д.».

Но органы ГПУ нельзя упрекать в односторонности. Они «разыскивают» и детей за «грехи» отцов, и родителей за грехи детей. В «Книге» значится, например: «Моштанова, 50 лет, беспартийная, обвиняется в посылке своего сына в банду Серова; розыскивается самарским губревтрибуналом от 2 VII 1922 г. А гражданка Е. П. Веселова, 33 лет, осуждена на 3 года «за родственную связь с бандитами».

Мы говорили уже, что в списке не мало рядовых уголовных преступников, даже не состоявших на советской службе. Укажем хотя бы на Н. Хорнашенко, о котором в книге имеется такая отметка: «организатор шайки железнодорожных воров, об'явлен вне закона».

Часто характеристики книги способны повергнуть в полное недоумение. Так, например, о разыскиваемом гражданине Александре Зуршевском сообщается: «протоиерей, председатель учредительного собрания». О некоем Абраме Моисеевиче Васьковском сказано: «агитировал среди армии и рабочих, имея целью убийство тов. Ленина».

Закончим одной из справок, открывающих собой список. «Андронов И. А., 32 лет, обвиняется в забастовке на шахте, разыскивается от 5-го мая 1922 г.».

Таков этот «труд», редактированный г. г. Шаниным и Подобедовым.

Одесса. Черное дело ГПУ.

В прошлом году умер от сыпного тифа член одесской организации РСДРП, тов. Вильдерман. Лишь такое печальное обстоятельство дает нам возможность с вынужденным опозданием раскрыть одну из страниц деятельности местной ГПУ, о которой поведал нам в свое время покойный.

В начале прошлого года т. В. был вызван на конспиративную квартиру ГПУ, где ему было предложено стать секретным информатором экономической жизни того предприятия, где он работал. Предложение это было, конечно, им отвергнуто, после чего у него была взята подписка о том, что он под страхом применения к нему «высшей меры наказания» обязуется никому не сообщать о сделанном ему предложении и о местонахождении конспиративной квартиры.

Прошло некоторое время. Снова вызвали тов. Вильдермана, но на этот раз уже не на конспиративную квартиру, а в «высокое учреждение» на Маразлиевской улице. Там ему пред'явили обвинение в том, что им раскрыто место конспиративной квартиры, причем показали даже план ее, будто им переданный «кое-кому». После этих запугиваний его стали допрашивать, почему он не соглашается стать информатором. После об'яснений т. Вильдермана, что для него, как с.-д., совершенно неприемлемы подобные предложения, он был взят «на учет» и затем отпущен с обязательством явиться снова через несколько дней в ГПУ. На прощание чекисты пустили недвусмысленные угрозы, что дело нуждается еще в расследовании.

На нервного, впечатлительного т. Вильдермана угрозы эти в связи с данной им прежде подпиской произвели весьма тяжелое впечатление. Но и при третьей явке чекисты ничего от него не добились и оставили его после этого на время в покое. Вскоре тиф унес т. Вильдермана в могилу.

Рабочая жизнь

Из современных настроений рабочей среды

Наши товарищи предприняли в Одессе интересную и, в целях выявления нынешних настроений пролетариата, полезную работу. Они проводят организованные беседы с рабочими-середняками и засим суммируют соответствующий материал.

Приводим несколько выдержек из материала этих бесед, опубликованного в «Бюллетене» одесского комитета Р. С.-Д. Р. П.

Рабочие-кожевники... «Отношения беспартийных рабочих к администрации довольно сложны. Рабочие не видят настоящего хозяина... Сегодняшний хозяин безликий и многоликий. Тебя-то, рабочего, прижать; тебя спросить, есть кому, есть администрация, а сунься к ней со своими требованиями, тебе ответят: это не от нас зависит. Отношения к ком'ячейке зависят от персонального состава ее. Есть ком'ячейки, которые имеют столько же общего с политикой компартии, сколько с китайским богдыханом. В таких случаях рабочие, добродушно посмеиваясь, говорят: «Это — коммунисты наши». Ком'ячеек же с настоящей коммунистической идеологией (говорит собеседник нашего тов. — рабочий госкожзавода) мне наблюдать не приходилось. Взаимоотношения администрации и ком'ячеек приблизительно таковы: в большинстве случаев ком'ячейки кладут свой штемпель на все, что делает администрация, в редких же случаях становятся в оппозицию к хозяйственникам, но и то до первого окрика губпарткома. Если кожевник работает на госкожзаводе, то он заранее уверен, что, что бы над ним ни творили хозяйственники, он в союзе защиты не найдет, ибо у союза раба парткома и треста, «интересы рабочего государства прежде всего». По отношению к рабочим частных предприятий союз ведет себя иначе. Тут у коммунистов есть возможность делать красивые жесты. Кроме того, борясь с частными хозяевами, союз поддерживает кожтрест. Малейшая жалоба частных рабочих на предпринимателя используется коммунистами из союза и треста, как средство в борьбе между частным и государственным капиталом. В результате жалобы — штрафы на крупные суммы, и часто хозяин «закрывает лавочку», а жалобщик остается на улице. Такой исход борьбы приводит к тому, что часто на предприятиях создается единый фронт рабочего и хозяйчика против союза и треста. Полная апатия и индифферентизм в политическом отношении по

заде. К с.-д. часть рабочих относится сочувственно, не потому, что она разделяет взгляды с.-д., а потому, что с.-д. — оппозиция коммунистам, которых кожевники не терпят. Монархические и антисемитские настроения — обычное явление».

Металлисты... Один рабочий рассказывает: «Масса настроена так апатично, так редко говорит на политические и общие темы, что судить об ее настроениях трудно даже тому, кто составляет плоть от плоти ее... На газету подписалось большинство, но едва ли половина подписчиков читает газету. Ее берут из-за дешевизны на хозяйственные надобности; подписываются и потому, что боятся навлечь на себя внимание ком'ячейки. Взаимоотношения с администрацией и беспартийно-сочкомским завкомом ровные. Отношение к союзу безразличное. Масса не чувствует органической связи с союзом. Есть где-то там союз, вреда от него нет, дает льготы, — ну и хорошо. Так называемые «честные беспартийные», то-есть наиболее шкурнически настроенные элементы, заигрывают и заискивают перед ком'ячейкой, чтобы иметь возможность использовать ее в своих интересах. Просто беспартийные рабочие относятся к ком'ячейке либо безразлично, либо определенно против коммунистов. Эта «оппозиционность» не проявляется из-за боязни репрессий. К с.-д. со стороны части рабочих замечается пассивное сочувствие. С мнением с.-д. считаются, к ним относятся с уважением, потому что «они говорят правду и за правду их арестуют»... Религиозные настроения несомненно имеются. Национальная вражда есть, но она в советских условиях не проявляется».

Печатники... «Каково отношение к хозоргану и администрации? — Неопределенное, отвечают одни, и поясняют, что у значительной части рабочих классовое сознание притуплено. К политраф-об'единению, отвечают другие, рабочие относятся, как к хозяину... Когда рабочим нужно получить мыло, они скорее обратятся за ним к ком'ячейке, чем к завкому. Когда в кооперативе хлеб не хороший, рабочие жалуются на это ком'ячейке. Вообще же к компартии рабочие относятся безразлично. Свое отношение к компартии (политическое) рабочие совсем не высказывают. Авторитет ком'ячеек не высок, что об'ясняется и их низким культурным уровнем. Отношение к союзу почти такое же, как к хозоргану. Рабочие, включая и сочкомов, просто говорят: «Хозорган и союз — это одна лавочка». В этом рабочих убеждает то, что они видят каждый день. Когда приходит председатель союза или член правления (тоже очень часто не здороваясь с рабочими), рабочие говорят: «хозяин идет», «ушел от станка, не узнает», «они уже никогда не возьмутся за работу». Только одного ждут рабочие от союза — ежемесячного повышения тарифа.

О советской власти говорят совсем мало. Можно отметить, что заискивающая перед коммунистами публика в разговорах с с.-д. ругает советскую власть. Определенно недовольные властью рабочие голосуют за резолюции, полностью одобряющие политику советской власти. Психология голосующих такова: «На и отцепись». Впрочем, если начальническое око смотрит в другую сторону, недовольные властью вовсе не голосуют. Коммунисты с беспартийными почти никогда не говорят о политике, но с с.-д. всегда спорят, а если не спорят, то говорят колкости. Сочкомы-шкурники говорят с.-д. то, что не позволят себе мало-мальски приличные коммунисты. Вообще сочкомы стараются из всех сил... При голосовании они всегда в первых рядах и поднимают обе руки. Не довольствуясь тем, что они сами голосуют, они, видя безразличие беспартийных (беспартийные стараются не участвовать в голосовании), кричат: «Чего руку не поднимаешь?».

На каждом собрании рабочие ожидают, что вот выступит меньшевик и начнет «ругать коммунистов». Если рабочие волнует несправедливость (низкая оплата труда) и если рабочих занимают другие вопросы (закрытие предприятия и пр.), они сами никогда не выступают, но всегда возлагают надежды на с.-д. Известная часть рабочих определенно сочувствует с.-д. и интересуется всегда тем, что делается в партии. Отношение к с.-д. у большинства рабочих тоже безразличное. В разговоре с с.-д. соглашаются с ними, иногда стараются заслужить доверие с.-д., задают вопросы. Слушают временами внимательно. Но есть реакционно настроенная часть, которая недолюбливает с.-д. по двум причинам: 1) с.-д. были застрельщиками революции, которая принесла рабочим столько зла, 2) за то, что с.-д. не «расправились» с большевиками в 1917 году.

Рабочие-печатники часто посещают театр и лекции в клубе. Политикой, особенно внутренней, совсем не интересуются. Только в период Лозаннской конференции появился интерес к последней, и местами о ней говорили целые дни. К советской газете относятся без всякого уважения. Рабочие говорят: «То, что там написано — вранье». Однажды «рабочий-корреспондент» одного из предприятий написал в «Известиях», что у рабочих наблюдается тяга к коммунистам. Когда рабочие прочли эту заметку, они так возмутились, что некоторые горячие головы предложили послать опровержение, но более хладнокровные протрезвили их, раз'яснив, что опровержения все равно не напечатают.

Беспартийные на собраниях молчат. Иногда выступают с вопросами. Иногда высказывают свои соображения в форме якобы подслушанного разговора.

Религиозные настроения есть и, даже можно сказать, среди большей части рабочих. Национальной вражды местами совсем нет. Местами же антисемитская болячка загнана внутрь. В завкомы выбирают одного коммуниста, надеясь, что благодаря тому, что коммунист в одной партии с хозяевами, он сумеет скорее добиться чего-нибудь. Рабочие говорят так: «дайте нам белый хлеб и мясо — и больше ничего нам не нужно. Рабочая масса вне политики. Она тянется к хлебу и покою. Пожалуй, не мешает: хлеба и зрелищ».

Весь приведенный бытовой материал лишний раз говорит о той глубине апатии, разочарования и морального гнета, в которую брошена рабочая масса в результате пяти лет коммунистического террора. Это подлинная **реакция**, которая может быть преодолена лишь новым под'емом рабочего движения. Все это имеет свое, особо подчеркнутое выражение, конечно, в таком непромышленном центре, как Одесса. Но в известных пределах упомянутыми настроениями охвачены широкие массы рабочих и в других местах. Тяжелый, страшный материал... Перед лицом его — как нестерпимо гнусны все декорации, вся ложь коммунистической официальности!

Вл. Кин.

Брянск. Арсенал.

Заводская жизнь наша не очень завидна. Идет сокращение за сокращением. Заработок 9 разряда за февраль в среднем 17 товарных рублей (индекс на февраль 32 рубля). Вычеты очень обременительны, так за февраль: 2 % профсоюз, 2 % на безработных, ½ дня — флот, 6 % государственный заем, ½ дня — на празднование женского дня, один день — красной армии, один час — на юбилейное знамя, да в рабочкооп пай в золотом исчислении 2 р. 50 коп. с рабочего и 25 коп. за члена семьи.

Настроение рабочих недовольное: как только собрание, так какой-либо вычет, и всегда на собраниях ораторствуют только представители «комищейки», возражать рабочие боятся, запуганы сокращениями и угрозой безработицы. При малейших признаках протеста заводоуправление заносит недовольного в список «под сокращение». Против произвола администрации рабочему не найти защиты ни в завкоме, ни в союзе, «Комищейка» вылавливает «неблагонадежных», передавая их Г. П. У.

В средних числах марта, в частности, в день 25-летнего юбилея Р.С.-Д.Р.П. и позднее, были произведены аресты среди рабочих Арсенала, Брянского завода (Бежица) и др. предприятий.

30 марта 1923. **Рабочий.**

Сормово. Выборы на общезаводскую конференцию.

Выборы, как и полагается, подготовлялись усилением террора. Недели за 2 была уволена без права поступления обратно на завод группа рабочих, заподозренных в крамоле. Профсоюз, к которому им предоставили апеллировать, разумеется, умыл руки. Рабочим массам был таким образом сделан толстый намек, как следует держаться на выборах. И они решили — либо вовсе уклоняться от участия, либо держаться безразлично.

Самая выборная «кампания» заняла три дня 6—8 февраля и происходила по районам, причем каждый район лишь за 2—3 часа извещался конторой о назначении выборов. Затем следовали по известному шаблону казенные речи, казенные «наказы» и казенные списки кандидатов из коммунистов и «честных» беспартийных. «Народ» безмолствовал. Из 400—500 человек на собрание являлось 200, из них человек 20—25 голосовали за казенный список, который и об'являлся принятым «единогласно».

Где народу собиралось побольше, рабочие проявляли свое настроение записками с «вопросами», вроде вопроса о том, правильно-ли поступил завком, уволив рабочих, повинных лишь в выполнении своего пролетарского долга, — на что был получен классический ответ: «Правильно, и если будет замечено такое поведение за кем-либо другим, то и с ним будет поступлено так же беспощадно». Так было, так будет...

В общем в собраниях принимало участие не более 25 % рабочих, в голосованиях же — не более 8 %. В результате на конференцию избрано 57 коммунистов и 47 беспартийных, которые дружно и переизбрали старый завком.

Профсоюзная бюрократия и ссыльные с.-д.

Вот два документа, характеризующие угодничество профсоюзной бюрократии перед политической полицией.

I.

Выписка из протокола заседания президиума пермского губпрофсовета 27 января 1923 г.

Слушали: заявление административно-ссыльных членов Р. С.-Д. Р. П. Бера-Гуревича, Малкина, Аркина и Гольдштейна о предоставлении им права состоять членами профсоюзов.

Постановили: считая, что по форме ответ усольских профорганизаций является не совсем точным, но классово безусловно правильным, президиум Г. С. П. С., рассмотрев заявление членов Р. С.-Д. Р. П. о непринятии их в союз, считает постановление усольских организаций в общем правильным, исходя из следующих соображений: члены Р. С.-Д. Р. П., находясь в рядах 2 и 2½ Интернационалов, ведут борьбу с красным Профинтерном, не протестуя в то же время против исключения из рядов западно-европейского профдвижения, как целых организаций, так и отдельных групп, примыкающих к красному Профинтерну, так и отдельных членов, стоящих на этой же платформе.

Верно. Секретарь президиума.
(Подпись).

II.

Протокол № 6
заседания президиума Тюменского Г. С. П. С.
от 27 января 1923 г.

Присутствуют т. т. Безпрозванных, Цивилев, Крылов. Председатель: Безпрозванных. Секретарь: Крылов.

Повестка:

Об отношении профсоюзов к высланным Г. П. У. в смысле предоставления работы.

Постановили: 1) считать таковых лиц безусловно исключенными из членов, как лиц, не стоящих на линии революционной классовой борьбы.

2) Предоставлять им работу по особому каждый раз постановлению правления губотдела союза, с утверждением президиума Г. С. П. С.

3) В случае, если на работе у этих лиц проявится противодействие союзной работе, то немедленно снимать с работы.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

Поучительная сводка.

Заимствуем из № 2 «Социал-демократа», органа главного украинского и харьковского комитетов нашей партии, напечатанные «вместо фельетона» официальные статистические данные о стачках на заводе Мельгозе за 1922 год и мерах их пресечения.

Январь, февраль, март, апрель, — стачек не было.

Май: однодневная стачка. Бастовало 500 человек.

Требования: ликвидация задолженности заводоуправления за предыдущие месяцы.

Уплата произведена.

Июнь — стачек не было.

Июль: 4-дневная стачка. Бастовало 300 человек.

Требования: немедленная уплата жалованья, причитающегося за май и июнь; приплачивать 10 % заработной платы в случае несвоевременной уплаты жалованья.

За май и июнь уплочено. В 10 % прибавке отказано.

Август: 3-дневная стачка. Бастовало 400 человек.

Требования: немедленная уплата жалованья за июль с 10 % надбавкой.

За июль жалование уплочено 17 августа, в 10 % отказано.

Сентябрь: 1-дневная стачка. Бастовало 211 человек.

Требования: выплата жалованья за август и выдача недоданных продуктов (сахар).

28-го сентября выплачено 70 % зарплаты за август, в выдаче продуктов отказано.

Октябрь: 7-дневная стачка. Бастовало 400 человек.

Требования: уплатить немедленно жалованье за сентябрь и впредь платить своевременно.

18 октября по распоряжению заводоуправления уволено 61 человек рабочих механических цехов, с каковыми произведен полный расчет.

Ноябрь, декабрь — стачек не было.

За-границей

Перед Гамбургским конгрессом.

4-6 апреля в Брегенце (Австрия) состоялось очередное заседание «Комитета десяти», избранного обоими социалистическими Интернационалами для подготовки и созыва Международного Рабочего Конгресса в Гамбурге.

Заседание это должно было состояться 17-го марта в Кельне, но в виду рурских событий перенесено в Брегенц и отложено на 4 апреля.

В порядке дня стоял вопрос о выработке регламента для Гамбургского конгресса и подготовке проекта устава будущего единого Интернационала.

На заседание явились: от Венскаго Интернационала — Абрамович, Адлер, Брак, Криспин и Эйльс (Ayles), замещавший временно опоздавшего Уолхеда; от II Инт. — Андерсон (заместитель Стаунинга), Вельс, Вотерс (заместитель Вандервельде), Томас (замест. Гендерсона) и Том Шоу.

В качестве гостей присутствовали: Де-Брукэр (Бельгия), Эйльс (англ., незав. п.) и Прейс (австр. с.-д., рабочий, вице-президент Тироля).

К моменту начала занятий 10-ки прибыла печальная весть о кончине Ю. О. Мартова, произведшая на собравшихся глубокое впечатление. Память покойнаго была почтена вставанием и после прочувственного слова председательствовавшего Адлера была принята резолюция, выражающая от имени всех представленных соц. партий глубокое сожаление по поводу понесенной мировым пролетариатом тяжкой и незаменимой потери и выражение искреннего соболезнования Р. С.-Д. Р. П., лишившейся своего славного вождя. Трагическая смерть Ю. О. в цвете лет, вдали от родины, в изгнании, потрясла всех членов собрания, и делегаты, среди которых было не мало лиц, резко расходившихся с Ю. О. во взглядах, все без исключения выражали свое преклонение пред блестящими дарованиями и моральной высотой покойнаго.

В самом начале занятий председателем был поставлен вопрос, не предлагает ли кто-либо перенесения заседания конгресса в другой город, в виду нынешнего положения Германии. Однако, такого предложения ни с какой стороны не было сделано, и было окончательно постановлено, что конгресс состоится в Гамбурге, в назначенный срок (21 мая).

Регламент и организация конгресса не вызвали особых прений. Согласно кельнским постановлениям, было принято, что партии могут иметь 1 делегата на каждые 3000 организованных членов, причем ни одна партия не может иметь больше 50 делегатов. Кроме делегатов, каждая партия может прислать и известное количество «гостей», без совещательного голоса.

Делегация каждой страны пользуется на конгрессе известным количеством решающих голосов, пропорционально ее силе, но не совпадающим с числом делегатов. Максимальное количество голосов для одной страны равно 30.

При определении количества голосов, орг. комиссия должна руководствоваться не только числом организ. членов партии, но и общим состоянием организованности пролетариата в стране и учетом всех иных политических условий в стране. — Окончательное распределение голосов «10-ка» произведет на своем заседании в Гамбургѣ, накануне конгресса, сейчас же было лишь примерно намечено количество голосов для дѣйствующих стран. Так, Англии и Германии предполагается дать по 30 гол., Франции, Бельгии, Австрии по 15 и т. п.

Голосование будет производиться либо по делегатским билетам, либо же (по требованию 30 делегатов от 5 разн. стран) по конгрессным «голосам».

Собрание приблизительно наметило и докладчиков.

По вопросу об «империал. мирных договорах» намечены Гильфердинг, Блюм, Гендерсон и Вандервельде.

По пункту: «Междунар. борьба пролетариата против междунар. реакции» намечены в качестве докладчиков: О. Бауэр и Р. Абрамович. Кроме того, в качестве первых ораторов в порядке дискуссии будут говорить немец (Вельс), итальянец и венгерец.

Докладчикам предлагается предоставить 40 мин., ораторам — по 15 мин.

Статут будущего Интернационала и основные резолюци-

считаются принятыми, если за них подано не менее $^2/_3$ всех конгрессных голосов.

Затем собрание перешло к обсуждению выработанного Адлером и Шоу проекта статута «Рабочего Социалистического Интернационала», как предполагается назвать будущий об'единенный Интернационал.

После краткого обмена мнений в порядке общей дискуссии, собрание занялось постатейным обсуждением и голосованием статута.

Первые 4 пункта его, носящие принципиальный характер, были, с небольшими изменениями, приняты в редакция, сформулированной еще в Кельне. Они гласят:

«1. Рабоч. Соц. Инт. (Р.С.И.) об'единяет рабочие социал. партии, признающие целью освободительной борьбы рабочего класса замену капиталистического способа производства социалистическим, а средством для достижения этой цели — классовую борьбу пролетариата.

2. Р.С.И. имеет своей задачей вносить единство в деятельность примыкающих к нему партий и об'единять их для совместных действий.

Партии, примыкающие к Р. С. И., обязуются не принадлежать ни к каким иным политическим международным об'единениям, стоящим вне Р.С.И.

3. Р.С.И. лишь постольку явится живой действительностью, поскольку все его решения в международных вопросах будут обязательны для всех его частей. Поэтому, каждое решение Р.С.И. означает добровольное ограничение автономии отдельных партий.

4. Р. С. И. является не только инструментом мирного времени, но и необходимым орудием пролетариата и во время всякой войны.

При конфликтах между отдельными странами или нациями Р. С. И. является высшей инстанцией для всех примыкающих к нему партий».

После этого была принята организационная схема будущего Интернационала, который должен располагать след. органами: 1. Конгресс; 2. Исполком; 3. Бюро; 4. Административная комиссия; 5. Секретариат.

Переходя к построению отдельных органов, собрание постановило, что ближайший очередной конгресс должен быть созван через 2 года, следующие же с промежутками в 3 года.

Что касается Исполкома, то его предлагается построить в виде малого конгресса, с представительством от в с е х стран, причем большие страны (с количеством конгрессных голосов больше 20) будут иметь по 3 представителя, средние (20—10 гол.) по 2, а малые по 1.

Фактическое же руководство текущими политическими делами должно быть сосредоточено в руках 8-членного «бюро», избираемого пленумом Исполкома со включением возможно большего количества стран.

«Админ. комиссия» ведает текущими хозяйственными делами: в нее входят секретари Р.С.И., члены Исполкома той страны, где секретариат будет заседать, и еще 3 члена, специально избранные Исполкомом из числа живущих в данной стране.

Секретариат состоит из секретарей и обслуживающего их технического персонала.

Место пребывания секретариата и число секретарей (речь идет об одном или двух) определяет ново-избранный Исполком на своем первом заседании.

Принципиальный интерес имеет § 15 устава, касающийся Исполкома. Стремясь в максимальной степени оградить н е з а в и с и м о с т ь будущего Интернационала, § 15 гласит, что член Исполкома, ставший членом какого-либо правительства, автоматически выбывает из Исполкома. Но он может снова быть избранным в Исполком, как только выступает из состава правительства».

Оживленные дебаты вызвал § 12, предусматривающий м н о ж е с т в е н н о с т ь соц. партий в среде одной страны или нации. В интересах скорейшего осуществления единства, Шоу внес поправку, предлагающую, чтобы членом Р. С. И. от каждой страны могла быть лишь о д н а партия, самая сильная, остальные соц. партии в той же стране, желая вступить в Р.С.И., вынуждены будут в той или иной форме об'единиться с сильнейшей.

Большинство, однако, отвергло поправку Шоу, ограничившись, согласно предложению Адлера, принятием специального заключительного пункта, призывающего к осуществлению единства в каждой стране. В целях установления близкого контакта с проф. движением, решено послать специальное приглашение Амстерд. Бюро, с просьбой прислать на Гамбургский конгресс свою особую делегацию. На этом 10-ка закончила свои занятия, приняв еще резолюции протеста против расстрелов в Эссене и террора в России (см. ниже). След. заседание назначено в Гамбурге, 18 мая.

* * *

6-го числа, в том же Брегенце, состоялось краткое заседание комиссии, избранной осенью в Амстердаме амстердамским и обоими соц. Интернационалами для исследования положения Германии и выработки репарационного плана. Подкомиссия, избранная для этой цели, представила большой труд, содержащий весьма богатый материал, который уже переведен на 3 языка. Комиссия постановила напечатать этот доклад и дать ему возможно большее распространение силами всех трех организаций.

В тот же день состоялось совместное информационное заседание 10-ки и этой комиссии для заслушания сообщения о результатах парламентской акции, предпринятой социалистическими фракциями английского, французского, бельгийского и итальянского парламентов по соглашению с с.-д. фракцией герм. рейхстага.

* * *

7-го числа в Брегенце состоялось заседание расширенного Исполкома Венского об'единения. Присутствовали: Уолхед и Эйльс (Англия); Брак (Франция); Криспин (Германия); Адлер (Австрия); Фогель и Грабер (Швейцария); Абрамович, Шрейдер и Штейнберг (Россия); Чермак (Чехословакия); Локер (поале-цион).

В порядке дня стоял вопрос о Гамб. конгрессе и о созыве конференции Венского об'единения.

После общей дискуссии, в которой приняли участие Штейнберг, Фогель, Шрейдер, Адлер, Абрамович, Уолхэд, была всеми против Штейнберга и Шрейдера принята след. резолюция:

«Исполком М.О.С.П. постановляет созвать м е ж д у н а р. к о н ф е р е н ц и ю примыкающих к М.О.С.П. партий 20 мая 1923 г., в 9 ч. утра, в Гамбурге. В качестве порядка дня Исполком предлагает один пункт: «Отношение к интернациональному соц. конгрессу в Гамбурге». Со своей стороны Исполком предлагает конференции принять след. решение:

1. Конференция предлагает всем примыкающим к М.О.П.С. партиям принять участие в Гамб. конгрессе.

2. Конференция принимает к сведению проект регламента конгресса, равно как и проект устава Р. С. И., выработанные «комитетом 10», и присоединяется в общем и целом к выраженным в этих документах принципам и организационным постановлениям.

3. Конференция постановляет, что, в случае, если на основах указанного в § 2 устава организуется Р.С.И. и II Интернационал об'явит себя распущенным, то и М. О. С. П. считает свою функцию законченной и об'являет свою организацию распущенной.

Конференция рекомендует примыкающим к М.О.С.П. партиям немедленно присоединиться к Р.С.И. и выражает надежду, что они внутри общего Интернационала приложат все свои силы, чтобы доставить торжество тем принципам, которые лежали в основе М.О.С.П. и нашли свое выражение в решениях Венской конференции февраля 1921 г.».

Резолюция о терроре в России.

«Комитет 10, созданный обоими соц. Интернационалами, с величайшим возмущением выслушал сообщение о новой полосе жестоких преследований, предпринятых большевистскими правительством против социалистов России и Грузии.

Комитет констатирует, что московское правительство непрерывно производит массовые аресты социалистов, держа их месяцами в тюрьмах и концентрационных лагерях в самых бесчеловечных условиях, не выпуская для лечения даже тех, которые тяжело заболели в казематах Чека; что оно сверх того производит в Грузии расстрелы сотен невинных заложников, в том числе многих старых и испытанных социалистов, — и все это в такое время, когда страна находится в состоянии полного мира, и правительство не может привести в свое оправдание даже того довода, что оно-де мерами террора вынуждено защищать свое существование от внешней или внутренней опасности.

Комитет клеймит позором тактику коммунистических властителей, которые в Европе лицемерно пропагандируют тактику «единого фронта», а в то же время у себя в стране организуют ф и з и ч е с к о е и с т р е б л е н и е тех социалистических рабочих и крестьян, с которыми не могут справиться средствами идейной борьбы».

Из партии

О партийном единстве.

Бюро Ц. К-та разослало следующее обращение ко всем членам партии:

За последние полгода в условиях жизни и работы Р. С.-Д. Р. П. произошли значительные изменения. Непрерывные жестокие массовые репрессии большевистской власти обрушились на нашу партию. Сотни товарищей вырваны из наших рядов и томятся в тюрьмах, в ссылке и в концентрационных лагерях. Многие местные организации разгромлены. Последние остатки «легальных возможностей» окончательно уничтожены, партия лишена возможности каких бы то ни было открытых выступлений перед массами. При таких условиях партийная работа требует величайших усилий и жертв. Преодолеть все стоящие на ее пути неимоверные трудности партия окажется способною только при одном условии: при дружной, самоотверженной работе всех партийных сил, при наибольшем сплочении. Полное единство партийных сил представляет поэтому очередное требование момента.

Одновременно с ним изменения в окружающей партию социально-экономической обстановке подготовили и облегчают возможность такого ее сплочения.

Переход от военного коммунизма к нэпу, вызванное этим решительное изменение социально-экономических условий в России — со всеми вытекающими отсюда глубокими политическими последствиями, — отчасти устраняют, отчасти ослабляют значение тех принципиальных и тактических разногласий, которые существовали в рядах социал-демократической партии за последние годы, разделяя ее на два лагеря. Постепенно подготовляется почва для плодотворного взаимодействия различных идейных течений партии, представляющих ее общественное мнение, для выработки единой партийной линии и для действенного проведения ее в жизнь. При неизбежности постепенного пробуждения рабочих масс к сознательной классовой жизни, об'единение всех партийных сил и оживление партийной работы облегчат партии выход на широкую арену рабочего движения.

Осенью 1922 г. Бюро Ц. К. решило с своей стороны принять меры к ускорению уже наметившегося сближения различных течении партии. Бюро Ц. К. полагало, что эта задача может быть успешно разрешена только при двух условиях: с одной стороны, все течения партии должны иметь широкую возможность развивать свою идейную позицию и воздействовать на общественное мнение партии, — с другой стороны, эти течения должны носить характер только идейных группировок и избегать оформления в виде отдельных организационных групп, что служило бы постоянною угрозою, как единству действий партии в настоящем, так и единству самой партии в будущем. Исходя из этих основных положений, Бюро Ц. К. предложило заседавшему в октябре 1922 г. всероссийскому совещанию организаций РСДРП принять соответетствующие решения, имеющие целью привлечь к активной работе в центральных и местных органах партии представителей идейного течения, не принимавшего в последние годы в их работе постоянного участия. Принятые совещанием решения уже значительно содействовали об'единению партийных сил и в центре и на местах. Существовавшие в некоторых городах отдельные группы партийных товарищей, не принимавшие в последние годы активного участия в общепартийной жизни, а подчас даже организационно обособлявшиеся одна от другой, решили теперь принять самое активное участие в общепартийной работе.

Приветствуя эти признаки об'единения всех партийных сил, Бюро Ц. К. призывает членов партии приложить все усилия к дальнейшему развитию и ускорению этого процесса. Ни один член партии, ни одно из существующих в партии течений не должны остаться в стороне от общепартийной работы. Только дружная, самоотверженная работа всех членов партии поможет нам изжить еще существующие в ней идейные разногласия, обогатит и углубит содержание партийной жизни, поможет выработать и действенно проводить в жизнь общепартийную линию защиты классовых интересов пролетариата. Единение всех партийных сил, как первый залог плодотворности партийной работы в теперешней тяжелой обстановке, полное единство партии, как предварительное условие для успешной деятельности по об'единению рабочих масс, — такова очередная задача нашей партии. Бюро Ц. К. настойчиво призывает всех членов партии, без различия направления, всеми мерами содействовать осуществлению этой задачи.

С товарищеским приветом

Бюро Центрального Комитета Р. С. Д. Р. П.

«Социал-демократ» № 2.

Вышел № 2 «Социал-демократ», органа главного комитета на Украине и харьковского комитета Р. С.-Д. Р. П. Газета воспроизведена гектографским способом. Содержание: Наш юбилей. — К юбилею нашей партии. — Можно-ли экономить на заработной плате? — Кризис нэпа. — Вместо фельетона.

«Рабочий Листок».

Вышел № 2 (8) «Рабочего Листка», органа Петроградской организации Р. С.-Д. Р. П., за февраль с. г. — 16 страниц убористой печати на мимеографе. Содержание: В. Д. Медем. — На пути к массовой работе. — На ущербе. — Ставка на истощение. — Немного цифр. — За кулисами Союза Социал. Республик. — В Сафаровской лавочке. — Еще одна чистка. — Рабочая жизнь: Главные мастерские сев.-зап. жел. дорог. — В большевистских тюрьмах и ссылке: «Шпалерка». — Из партийной жизни. — Вокруг рурских событий. —

Список книг, поступивших в редакцию.

Ф. Нитти. Европа над бездной. Изд. «Волга».

Curt Geyer. Der Radicalismus in der deutschen Arbeiterbewegung. Jena 1923. Thüringer Verlagsanstalt.

А. Штейнберг. Система свободы Достоевского. «Скифы», Берлин, 1923 г.

За недостатком места окончание статей Ф. Дана «Легкомысленный акушер» и С. Шварца «Проблемы заработной платы» отлагается до следующего номера.

Почтовый ящик:

Получены: №№ 85, 86, 88.
Отправлены: №№ 34, 35.

Экстренный выпуск «С. В.» ко дню сожжения тела Ю. О. Мартова (от 10 апр. с. г.) с двумя фотографиями можно получать в конторе «С. В.».

Товарищ! Прочитав, передавай другим!

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin-Charlottenburg. — Druck: Vorwärts Buchdruckerei u. Verlagsanstalt Paul Singer & Co. Berlin SW 68 Lindenstrasse 3.